

С. А. Сухановъ,

Старшій врачъ Больницы Всѣхъ Скорбящихъ,
Приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета.

ИСТЕРИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ
И
ИСТЕРИЧЕСКІЯ ПРОЯВЛЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе журнала „Практическая Медицина“ (В. С. Эттингеръ).

Улица Жуковскаго, 13.
1910 г.

Истериическій характеръ и истериическія проявленія.

I.

Описаніе истериического характера не такъ уже просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, несмотря на то, что истериическіе субъекты встрѣчаются въ жизни часто, и несмотря на то, что литература объ истеріи достигла колоссальныхъ размѣровъ. Нерѣдко приходится многимъ изъ насъ употреблять термины «истерія», «истеричка» и разныя производныя слова отъ нихъ; но не всегда употребляющіе эти выраженія могутъ отдать себѣ отчетъ, что же именно надо подразумѣвать подъ даннымъ названіемъ. Признаки истериического характера такъ разнообразны, такъ множественны, что едва-ли ихъ всѣ можно и перечислить, ибо у отдѣльныхъ истериическихъ индивидуумовъ они встрѣчаются не въ одинаковомъ внѣшнемъ видѣ, въ различныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ.

Типическій истериическій характеръ является результатомъ врожденной нервно-психической организаціи; для того, чтобы говорить о томъ, что у даннаго индивидуума имѣются истериическія черты, необходимо, чтобы у него существовало сочетаніе опредѣленныхъ психическихъ особенностей, изъ которыхъ и складается то, что называется истериическимъ характеромъ. Точное воспроизведеніе этихъ психическихъ особенностей затрудняется еще тѣмъ, что въ психикѣ истериическихъ субъектовъ приходится наблюдать процессы, не вполне отчетливые, иногда какъ-бы смутные, неясные, съ трудомъ уловимые, ибо многое изъ того, что приходится наблюдать въ этихъ случаяхъ, совершается, повидимому, въ сферѣ безсознательнаго, въ области того, что носитъ названіе нижняго сознанія. Отсутствіе полной гармоніи между сознательными процессами и низшими психическими аппаратами создаетъ пеструю, подчасъ противорѣчивую картину, гдѣ нѣтъ необходимаго единства между отдѣльными составными частями нашего «я»; вслѣдствіе этого нѣкоторые психическіе механизмы проявляютъ самостоятельную дѣятельность въ большей степени, чѣмъ это имѣеть мѣсто у такъ назыв. нормальныхъ и уравновѣшенныхъ лицъ. Это краткое замѣчаніе было необходимо для того, чтобы въ послѣдующемъ изложеніи и описаніи были у насъ нѣкоторыя руководящія идеи, позволяющія выйти изъ лабиринта пестрыхъ, причудливыхъ, капризныхъ и измѣнчивыхъ признаковъ истериической нервно-психической организаціи.

Истериическій субъектъ отличается прежде всего большою впечатлительностью по отношенію къ тому, на что онъ направилъ свое вниманіе; воспринимая живо, съ волненіемъ одно, онъ можетъ проходить мимо другого, если на этомъ не сосредоточено его вниманіе; впрочемъ, надо сказать, что это послѣднее у него отличается подвижностью. Всякое впечатлѣніе тѣмъ рѣзче дѣйствуетъ на его психику, чѣмъ болѣе оно имѣеть точекъ соприкосновенія съ его психи-

ческимъ состояніемъ. Поэтому самое большее вліяніе обнаруживаетъ то, что сильнѣе задѣваетъ эгоистическую сторону психической личности истерическаго субъекта. Наоборотъ, многое, что заставляетъ содрогаться отъ ужаса лицъ, чувствительныхъ къ человѣческимъ несчастьямъ, можетъ совсѣмъ не оставлять слѣда на психикѣ истерическаго субъекта, если это, конечно, не имѣетъ непосредственной связи съ его личностью; онъ можетъ разстроиться, раздражиться, разволноваться, если что-нибудь сдѣлано не такъ, какъ ему хотѣлось бы; но онъ же остается равнодушнымъ, видя иной разъ самое ужасное, но его не касающееся, его не испугавшее. Поэтому можно сказать, что только тѣ впечатлѣнія задѣваютъ особенно истерическаго индивидуума, которыя касаются его личности; и не все человѣческое интересно для него и многое человѣческое скорѣе чуждо ему. Психика его отличается дѣтскостью, инфантильностью; и взрослый истерическій субъектъ во многомъ напоминаетъ ребенка; онъ похожъ на ребенка и по измѣнчивости и крайней неустойчивости своего настроенія, и по своимъ капризамъ. Всякое впечатлѣніе, иногда кажущееся безразличнымъ для обыкновеннаго человѣка, вызываетъ въ истерическомъ индивидуумѣ излишнюю окраску со стороны эмоциональной; то оно разстроитъ его неожиданно для окружающихъ, то вызоветъ въ немъ утрированную радость и излишнее веселье. И такой субъектъ производитъ впечатлѣніе дѣланности, неестественности, театральности часто, какой-то утрировки. О какомъ-нибудь пустякѣ онъ можетъ рассказывать съ воодушевленіемъ, съ большимъ чувствомъ; и въ концѣ-концовъ окажется, что это имѣетъ близкое отношеніе къ его личности, къ его «я» и что оно интересуется-то только поэтому. Что касается сознательной жизни, то надо отмѣтить, что здѣсь реальныя впечатлѣнія, образы фантазіи, воспоминанія плохо подчиняются направляющей силѣ нашего ума, приводящей къ единству разрозненныхъ элементы психическаго механизма. Вслѣдствіе недостаточной координаціи эти отдѣльные элементы дѣйствуютъ несодружественно и не находятся въ необходимомъ соподчиненіи, въ гармоническомъ сочетаніи, и тогда получается такое состояніе сознанія, что индивидуумъ теряетъ возможность управлять своими фантазіями, и онѣ примѣшиваются тогда, когда ему приходится рассказывать о чемъ-нибудь по воспоминанію. Извѣстно, что часто рассказы истеричныхъ не соответствуютъ дѣйствительности; и міръ реальный, многія изъ полученныхъ впечатлѣній подвергаются въ психическомъ механизмѣ истерическаго индивидуума своеобразнымъ преломленіямъ и искривленіямъ; то внѣшнее, что отражается въ несовершенномъ психическомъ аппаратѣ при истеріи, можно-бы сравнить съ тѣми отраженіями, которыя получаютъ, когда отражающая поверхность воды не гладкая, не спокойная, а слегка волнуемая, подернутая рябью. Если мы обратимъ вниманіе на то, что образы фантазіи у истерическихъ индивидуумовъ обильны, ярки, легко всплываютъ въ полѣ сознанія, то становится понятной ихъ доминирующая роль во всемъ психическомъ механизмѣ такихъ субъектовъ, которые не могутъ ими управлять по произволу и у которыхъ они пріобрѣтаютъ столь огромное вліяніе.

Такъ какъ при истеріи сознательная сфера плохо подчиняетъ себѣ то, что называется нижнимъ сознаніемъ, бессознательною областью, то эта послѣдняя проявляетъ часто себя самостоятельно, безъ надлежащаго контроля высшихъ психическихъ механизмовъ;

наоборотъ, низшіе психическіе аппараты при истеріи диктуютъ свои требованія сознательнымъ актамъ и поступкамъ, давая имъ свою окраску и свое направленіе. Съ другой стороны, и образы фантазіи, очень напряженные и интенсивные, въ свою очередь, оказываютъ въ этомъ случаѣ на низшую психику вліяніе, измѣняя и извращая ея правильныя проявленія, но не руководя ею. Лишенная высшаго руководства и разумнаго направленія, низшая психика истерическаго субъекта служитъ весьма удобною почвою для различныхъ вліяній, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, т. е. берущихъ начало въ самомъ организмѣ; а это создаетъ чрезвычайно благоприятныя условія для самыхъ разнообразныхъ внушеній и самовнушеній, особенно, можетъ быть, для послѣднихъ.

Психическій инфантилизмъ при истеріи, своеобразный при этомъ инфантилизмъ, выражается, между прочимъ, въ томъ, что все, что воспринимается извнѣ или изъ внутреннихъ органовъ, оцѣнивается даннымъ индивидуумомъ крайне субъективно; объективная точка зрѣнія для него почти невозможна. Механизмъ, дающій получаемымъ впечатлѣніямъ окраску пріятнаго или непріятнаго, развитъ у истерическаго субъекта въ рѣзкой степени, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Индивидуумъ этого рода отличается какимъ-то чисто дѣтскимъ, наивнымъ эгоизмомъ; онъ любитъ, чтобы на него обращали вниманіе; ему нравится, что другіе удивляются ему, говорятъ о немъ; особенно онъ бываетъ въ восторгѣ и приподнятомъ самочувствіи, когда его поощряютъ и одобряютъ тѣ, мнѣніемъ кого онъ дорожитъ. У него развито болѣзненное самолюбіе, но самолюбіе не высокаго качества, иногда даже низкой пробы, самолюбіе инфантильнаго свойства. Такъ какъ текущая жизнь часто отвлекаетъ вниманіе окружающихъ отъ истерическаго субъекта, который, будучи взрослымъ по своимъ годамъ и оставаясь съ признаками психической дѣтскости, отъ этого страдаетъ по своему, то создается у него цѣлая система своеобразныхъ, курьезныхъ, причудливыхъ реакцій на внѣшнія впечатлѣнія, выражающаяся иной разъ въ такой формѣ, что она обращаетъ, дѣйствительно, вниманіе другихъ на истерическаго субъекта, что, въ сущности, ему и надо. И въ происхожденіи этихъ признаковъ помогаетъ ему, конечно, не высшій разумъ, не высшая сторона нашей психической дѣятельности, а нижнее сознание или безсознательная сфера; пользуясь ея тайными для насъ пружинами и пуская въ ходъ низшіе психическіе аппараты, которыми нормальный человѣкъ не въ состояніи пользоваться по своей волѣ и по своему желанію, онъ обладаетъ способностью обнаруживать существованіе такихъ механизмовъ, о какихъ извѣстно намъ потому только, что существуютъ истерическіе субъекты; упомяну здѣсь, въ самой краткой формѣ, о томъ, напр., что случайный абсцессъ на пальцѣ можетъ дать при истеріи параличъ и полную потерю чувствительности всей руки; мысль, одно представленіе о болѣзни ногъ можетъ вызвать параличъ ногъ, съ потерей чувствительности, съ контрактурами и т. д., и т. д.

Наблюдая внимательно за истерическимъ субъектомъ, легко убѣдиться въ томъ, что настроеніе его подвержено большимъ колебаніямъ; у него необыкновенно легко совершаются переходы отъ дурнаго настроенія къ веселому, отъ искреннихъ, часто дѣтскихъ слезъ и плача къ смѣху, часто неудержимому; онъ находится нерѣдко въ состояніи неустойчиваго настроенія, и оно можетъ измѣниться у него, подъ вліяніемъ случайныхъ и ничтожныхъ моментовъ, въ ту или

другую сторону. Онъ производитъ впечатлѣніе чловѣка чувствительнаго, сантиментальнаго, но это выражается у него односторонне; эта сантиментальность обнаруживается въ связи съ впечатлѣніями, касающимися личной и интимной жизни; тутъ она сказывается рѣзче всего; это будетъ, если можно такъ сказать, сантиментальность чистичная, инфантильная.

Однако настроеніе у истерическаго субъекта можетъ быть и длительно неприятымъ, угнетеннымъ или, наоборотъ, ажитированнымъ, приподнятымъ. Иной разъ онъ чувствуетъ себя дурно, плохо настроенъ, капризенъ, раздражителенъ; ему трудно угодить; всѣмъ и всѣми онъ недоволенъ, на все и на всѣхъ жалуется, придирается, требуетъ по отношенію къ себѣ особыхъ заботъ, вниманія, не можетъ ничѣмъ заниматься, плохо ѣсть и спать. Иной же разъ онъ находится въ приподнятомъ самочувствіи, доволенъ своей судьбой, много и неустыжимо работаетъ, не чувствуя усталости; и если окружающіе обращаютъ на это вниманіе и если ему удастся приковать, хотя бы на время, къ себѣ ихъ вниманіе, онъ проявляетъ еще болѣе усиленную дѣятельность, еще большую нервную приподнятость; и эта лихорадочная дѣятельность, эта повышенная работоспособность, конечно, ненадежна въ томъ отношеніи, что она можетъ быстро оборваться, прекратиться или направиться на что-либо другое. Чтобы быть хорошо настроеннымъ, истерическій субъектъ нуждается въ постоянномъ одобреніи, въ похвалахъ, въ томъ, чтобы другіе поощряли его и восторгались его дѣятельностью; и наблюденіе показываетъ, что онъ можетъ, дѣйствительно, много работать, быть чрезвычайно полезнымъ въ своихъ заботахъ о близкихъ, о родныхъ, о тѣхъ, кому онъ желаетъ помочь; но бываетъ такъ, что, среди разгара этой полезной дѣятельности, могутъ вдругъ возникнуть какіе-нибудь рѣзкіе истерическіе признаки, какъ-то: обмороки, припадки и пр. Не всегда удается опредѣлить, отъ чего происходитъ эта перемѣна въ настроеніи истерическаго субъекта; она можетъ зависѣть отъ массы условій, отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ неудовлетворенія болѣзненнаго самолюбія, отъ многого. Что можно предполагать и что остается неизвѣстнымъ ни самому истерическому субъекту, ни окружающимъ, которымъ приходится часто ломать голову надъ тѣмъ, почему въ немъ происходитъ эта перемѣна въ настроеніи. Дѣло въ томъ, что истерическій индивидуумъ, какъ мы видѣли, воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія въ нѣскольکو извращенномъ видѣ по отношенію къ своему «я»; кромѣ того, онъ находится во власти образовъ фантазіи, которые могутъ задавать тонъ всему психическому аппарату и командовать имъ. Управляя по своему произволу нижнимъ сознаниемъ, эти образы фантазіи могутъ оказывать на измѣненіе настроенія огромное вліяніе, часто даже не воспринимаемое отчетливо самимъ субъектомъ. Образы же фантазіи, не руководимые высшимъ разумомъ и высшими сознательными процессами, находятся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и ощущеній отъ внутреннихъ органовъ (отъ такъ назыв. органическихъ ощущеній, отъ того, что французы называютъ пенестезіей).

Итакъ, мы видѣли, что истерическій субъектъ можетъ быть полезенъ, при извѣстныхъ условіяхъ, для другихъ, можетъ быть иной разъ безкорыстнымъ и преданнымъ работникомъ; но это дѣлается имъ не изъ высокихъ альтруистическихъ побужденій, а для удовлетворенія болѣзненнаго самолюбія, изъ желанія показать себя въ

особомъ видѣ, окруженнымъ какимъ-то ореоломъ; но надо сказать, однако, что, начавши съ этого, руководствуясь вначалѣ этимъ мотивомъ, истерическій субъектъ увлекается, входитъ въ свою роль, убѣждаетъ самого себя при помощи самовнушения, что онъ работаетъ изъ-за идеи, и на время исчезаютъ изъ его сознанія мысли и желаніе порисоваться и обратить на себя вниманіе; однако такое психическое состояніе, благотворно вліяющее на истерическую психику, длится недолго, и обыкновенно обнаруживается рано или поздно, что истерическій индивидуумъ проявлялъ такую лихорадочную и самоотверженную дѣятельность не изъ-за идеи, а изъ другихъ побужденій. Эти кажущіяся положительныя качества, это приподнятое стремленіе къ альтруистическимъ поступкамъ проявляется все-таки у тѣхъ истерическихъ субъектовъ, у которыхъ нравственные чувствованія отъ природы нѣсколько развиты; тамъ, гдѣ эти чувствованія при истеріи слабы вслѣдствіе аномалій, притомъ прирожденныхъ, въ организаціи психическаго механизма, поведеніе истерическаго индивидуума можетъ оказаться чрезвычайно неприятнымъ, тягостнымъ и мучительнымъ для окружающихъ, близкихъ, родныхъ; и въ этихъ случаяхъ онъ можетъ доходить до издѣвательства и жестокости по отношенію къ другимъ; и здѣсь нельзя уже увлечь такого субъекта на путь альтруистическихъ поступковъ и дѣйствій. При слабыхъ моральныхъ задержкахъ онъ будетъ не только капризенъ, самолюбивъ, не только наивенъ въ своемъ эгоизмѣ; онъ будетъ при этомъ обнаруживать въ своемъ поведеніи отсутствіе любви, привязанности и преданности къ кому-либо, кромѣ себя самого. Такимъ образомъ надо сказать, что у отдѣльныхъ индивидуумовъ при истеріи наблюдаются различныя степени развитія нравственныхъ чувствованій; если у однихъ изъ нихъ возможны внѣшнія проявленія сочувствія себѣ подобнымъ, иногда даже утрированныя, чисто истерическія, то у другихъ эти чувствованія представляютъ рѣзкую картину дефектности, изъяновъ, иногда очень грубыхъ въ этомъ отношеніи, напоминающихъ собою даже то, что извѣстно подъ названіемъ «insanitas moralis», нравственное помѣшательство.

Эстетическія чувствованія у истеричныхъ субъектовъ бываютъ развиты, какъ это понятно само собою, не въ одинаковой степени у отдѣльныхъ лицъ. Между ними встрѣчаются люди, имѣющія признаки одаренности, талантливости, способные вдохновляться и выражать свой душевный подъемъ въ формѣ какихъ-либо музыкальныхъ произведеній, въ видѣ стиховъ, вообще литературныхъ произведеній; но слѣдуетъ замѣтить, что они не обнаруживаютъ въ этомъ направленіи ни глубины ума, ни способности развиваться и совершенствоваться въ этомъ направленіи. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ умѣютъ обращать на себя вниманіе въ области живописи. На художественныхъ произведеніяхъ истерическихъ субъектовъ лежитъ печать утрировки, дѣланности, искусственности, крикливости, вычурности, и все это часто диктуется не непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ и настроеніемъ, а желаніемъ обратить на себя вниманіе, что и достигается нерѣдко въ этихъ случаяхъ истерическими субъектами. Художественныя произведенія ихъ имѣютъ, однако, лишь временный успѣхъ; они обыкновенно недолговѣчны, хотя могутъ быть иной разъ односторонне блестящи и изящны. Истерическіе субъекты, лишеныя эстетическихъ чувствованій, очень мелочны, скучны, прозаичны, и ихъ вниманіе сосредоточивается на

мелочахъ текущей и повседневной жизни; при этомъ многія изъ этихъ мелочей ими преувеличиваются, раздуваются фантазіями; и то, что не имѣетъ въ глазахъ другихъ людей никакого значенія, у истерическаго субъекта вызываетъ утрированную веселую или тоскливую реакцію.

Религіозныя чувствованія развиты у отдѣльныхъ истерическихъ индивидуумовъ неодинаково; скорѣе, въ общемъ, эти люди религіозны. Хотя иной разъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, они и могутъ обнаруживать отсутствіе обычныхъ религіозныхъ вѣрованій, но это диктуется у нихъ какими-либо сторонними, часто эгоистическими соображеніями, и нерѣдко прикрываетъ собою глубокія религіозныя вѣрованія, правда, чисто истерическія. Подъемъ религіознаго чувства у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ можетъ быть такъ великъ, такъ высокъ, что подъ влияніемъ этого измѣняется ихъ самочувствіе, ихъ настроеніе, проходятъ боли и пр. И если «вѣра можетъ двигать горами», то это больше всего подтверждается у истерическихъ субъектовъ.

У многихъ истерическихъ индивидуумовъ, особенно у женщинъ, нерѣдко бываетъ непріятное самочувствіе или прямо тоскливость; если эта послѣдняя обыкновенно вызываетъ у человѣка мысли о безцѣльности человѣческаго существованія, то при истерическомъ характерѣ субъектъ нерѣдко говоритъ о томъ, что у него тоска, что ему не хочется жить и что жизнь его тяготитъ. Нерѣдко онъ говоритъ объ этомъ съ улыбкой, какъ бы выставляя на показъ свою тоскливость, и онъ носится съ нею; чуть тоска становится почему-либо замѣтнѣе, то онъ начинаетъ поговаривать и о томъ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Это разстройство душевнаго настроенія, въ видѣ тоскливости, иногда связано съ какими-либо непріятными впечатлѣніями личнаго или интимнаго характера, о чемъ, впрочемъ, самъ индивидуумъ хорошо знаетъ и о чемъ онъ почему-то не желаетъ рассказать никому изъ близкихъ окружающихъ. Иной разъ это дурное настроеніе обуславливается пережитыми непріятностями, которыя хранятся у него въ бессознательной области и не поднимаются выше порога сознанія; и весьма возможно, что въ этихъ случаяхъ проявляется своеобразная самозащита собственнаго слабого психическаго механизма; если бы представить себѣ, что ушедшія куда-то вглубь пережитыя непріятности постоянно присутствуютъ въ сознаніи или легко въ немъ всплываютъ, то отъ этого такой субъектъ, инфантильный по своей невыносливости къ нимъ, страдалъ бы еще болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда эти тягостныя впечатлѣнія скрываются изъ поля сознанія. Повидимому, иной разъ такому индивидууму станетъ легче, когда удастся ему, наоборотъ, вызвать въ область сознательнаго эти пережитыя непріятности; и это облегченіе достигается лишь въ томъ случаѣ, когда эти послѣднія нейтрализуются разумными сторонами высшей психики и когда, напр., субъектъ произведетъ переоцѣнку этихъ переживаній, разсмотритъ ихъ съ иной точки зрѣнія, взглянетъ на нихъ иначе, ранѣе, не такъ какъ прежде, когда онъ отнесся къ нимъ, какъ человѣкъ съ инфантильной психикой. Но среди тоскливости, иногда длительной и очень стойкой, обыкновенно существуетъ при истерическомъ характерѣ и склонность развеселиться, смѣяться съ увлеченіемъ, до слезъ; и въ этомъ отношеніи истерическій субъектъ похожъ на взрослаго ребенка, и въ этомъ сказывается его дѣтскость и инфантильность.

Что касается высшихъ сторонъ психической дѣятельности, сторонъ чисто интеллектуальныхъ, то надо сказать, что при истерической организаціи нѣтъ полной гармоніи между различными психическими механизмами, составляющими наше «я»; но этого мало, ибо это опредѣленіе слишкомъ обще, слишкомъ суммарно и ибо то же самое можно сказать и про лицъ съ другой патологической организаціей нервно-психической системы; у истерическихъ индивидуумовъ образы фантазіи, какъ мы указывали уже выше, имѣютъ огромное значеніе, часто выдвигаясь на первый планъ и заполняя собою сознаніе; вслѣдствіе того, что многое, такъ или иначе касающееся, воспринимается ими въ извращенномъ видѣ, происходящее вокругъ нихъ оцѣнивается ими неправильно вѣрше, неточно, съ прибавкой субъективнаго элемента, выражающагося въ появленіи эмоциональнаго элемента, не соответствующаго дѣйствительности. И въ этомъ заключается одинъ изъ главныхъ интеллектуальныхъ дефектовъ истерической психики.

Далѣе, у индивидуумовъ этого рода можно отмѣтить особенную способность сосредоточиваться на отдѣльныхъ представленіяхъ, ими пережитыхъ или извращенныхъ образами фантазіи, и эти представленія могутъ достигать у нихъ большой интенсивности, яркости; становясь превалирующими въ полѣ сознанія въ данный моментъ, они вытѣсняють собою остальное содержимое изъ сознанія. Съ другой стороны, у тѣхъ же лицъ наблюдается способность приводить себя въ такое состояніе, что ихъ ясное сознаніе оказывается какъ бы пустымъ, лишеннымъ на время какого-либо содержанія, и при этомъ психическая дѣятельность сводится главнымъ образомъ къ автоматической дѣятельности безсознательной области или нижняго сознанія.

Мы уже упоминали о томъ, что психика истерическаго субъекта подвержена самовнушеніямъ и внушеніямъ, и этотъ признакъ выраженъ здѣсь такъ рѣзко, какъ ни при какой другой нервно-психической организаціи.

Чтобы показать, въ чемъ, напр. сказывается эта способность къ самовнушеніямъ, необходимо привести нѣсколько конкретныхъ примѣровъ. Иной разъ стоитъ подумать истерическому субъекту, что у него нѣтъ аппетита, и у него дѣйствительно понижается или даже совсѣмъ пропадаетъ на время всякое влеченіе къ пищѣ; возникнетъ у него мысль о томъ, что у него должна болѣть рука или нога потому, что, по мнѣнію его, былъ для этого достаточный поводъ, и у него, дѣйствительно, можетъ появиться боль въ видѣ истерической невралгіи. Истерическій субъектъ, воображившій, что у него туберкулезъ легкихъ, будетъ сильно и страшно кашлять, будетъ страдать временно одышкой и мучиться отъ этихъ страданій дыхательныхъ органовъ. Внушивши себѣ, что у него порокъ сердца, такой индивидуумъ будетъ обнаруживать признаки сердцебіенія, аритміи сердечной дѣятельности и проч. Если ему покажется, что у него слабы ноги, онъ представляетъ изъ себя больного, которому трудно ходить, по крайней мѣрѣ временами. У него, подъ вліяніемъ самовнушенія можетъ быть заиканіе, расстройство рѣчи, затрудненіе глотанія и пр., и пр. У истерическаго субъекта эти воображаемыя страданія, иногда очень упорныя и съ трудомъ устранимыя, присоединяются къ дѣйствительнымъ, къ реальнымъ заботѣваніямъ и страданіямъ; напр., случится у такого индивидуума болѣзнь горла,

и окажется несоответствіе между физическою болѣзнью и субъективными симптомами; и ничтожная болѣзнь горла можетъ дать тяжелую картину затрудненнаго дыханія съ синюхой и т. д. Этотъ истерическій элементъ, происходящій изъ самовнушеній, осложняетъ собою нерѣдко многія физическія страданія, и иногда можетъ смущать опытнаго врача или человѣка, незнакомаго съ этимъ.

Кромѣ самовнушеній, психика истерическаго субъекта чрезвычайно воспримчива къ внѣшнимъ внушеніямъ; но понятно само собою, что и въ этомъ отношеніи проявляется также извѣстная односторонность, ибо не всякія воздѣйствія извнѣ воспринимаются одинаково хорошо истерической психикой; для того, чтобы внушеніе извнѣ было воспринято, необходимо, чтобы оно совпадало съ его тайными желаніями и внутренними побужденіями; необходимо, чтобы онъ самъ хотя бы смутно былъ настроенъ въ униссонъ съ тѣми воздѣйствіями, которыя доходятъ до его сознанія извнѣ въ данный моментъ. Въ противномъ случаѣ, впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, отъ окружающихъ проходятъ иной разъ какъ бы мимо; ибо въ этихъ случаяхъ самовнушенія перевѣшиваютъ то, что даетъ импульсъ истерической психикѣ извнѣ. Способность къ внушеніямъ выражается, между прочимъ, при истеріи въ томъ, что субъектъ становится доступнымъ такъ назыв. гипнотическимъ внушеніямъ, когда онъ позволяетъ другому лицу управлять его психическимъ механизмомъ; и это рѣзче всего сказывается тогда, когда самъ субъектъ желаетъ этого, когда онъ ищетъ этого, когда онъ находится въ подходящихъ для этого условіяхъ; тутъ также огромную помощь оказываютъ для этого собственныя самовнушенія, безъ участія которыхъ и при противодѣйствіи которыхъ и гипнотическое внушеніе можетъ совсѣмъ не обнаружиться.

Теперь я хотѣлъ бы остановиться на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ особенностей въ поведеніи, манерѣ держаться, въ способѣ выражать свои мысли и желанія и пр. у истерическаго субъекта; но прежде необходимо, думается мнѣ, сказать, хотя бы вкратцѣ, о значеніи половыхъ чувствованій въ жизни индивидуумовъ такого рода. Зная, что эти послѣдніе, вообще, много занимаютъ собственными, личными переживаніями, зная, что въ ихъ жизни играютъ большую роль эмоціональные процессы, выражающіеся въ формѣ пріятнаго или непріятнаго настроенія, чрезвычайно подвижнаго и утрированнаго въ этихъ случаяхъ, уже а priori можно предположить, что половыя чувствованія должны играть особенное и притомъ своеобразное значеніе въ психической жизни истерическаго субъекта. Въ публикѣ, какъ извѣстно, распространены свои взгляды, правда, шаблонные, ходячіе, узкіе и односторонніе; если и есть въ этихъ взглядахъ извѣстная доля истины, то она касается определенной группы истерическихъ субъектовъ и не всѣхъ ихъ безъ исключенія; и притомъ, здѣсь дѣло обстоитъ, конечно, не такъ просто, какъ это принято думать.

Половыя чувствованія развиты у истерическихъ субъектовъ неодинаково въ отдѣльныхъ случаяхъ; такъ какъ эти чувствованія имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ личной жизни индивидуума и такъ какъ они, вообще, облакаются таинственностью, то при истеріи они проявляются обыкновенно въ причудливой формѣ, ибо и здѣсь фантазіи и самовнушенія даютъ о себѣ знать. Романическое увлеченіе у истерическаго субъекта нерѣдко сопровождается послѣдующимъ разочарованіемъ, также доходящимъ до крайности; если въ періодѣ увле-

ченія онъ въ своихъ инфантильныхъ фантазіяхъ уносится изъ міра реального, сосредоточиваясь лишь на переживаніи пріятныхъ чувствованій, то затѣмъ онъ какъ бы просыпается, приходитъ въ себя; и тутъ житейскія непріятности и разочарованія заставляютъ спуститься его на землю, причемъ и въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ новую крайность. Лишенный чувства любви и чувства реальности, истерическій субъектъ, при этихъ своихъ переживаніяхъ, остается иногда какъ бы внѣ дѣйствительности.

Въ жизни приходится часто видѣть, что истерическій субъектъ, превозносящій сегодня того, кѣмъ онъ увлеченъ и кого онъ обожаетъ, въ скоромъ времени можетъ начать бранить и поносить этого человека. т. е. онъ переходитъ изъ одной крайности въ другую. Впрочемъ, надо сказать, что не всѣ истерическіе индивидуумы такъ рѣзко непостоянны въ своихъ чувствованіяхъ и привязанностяхъ; иной разъ ихъ привязанность къ лицу другого пола является стойкой, упорной; какъ и въ другихъ обстоятельствахъ, такъ и здѣсь они обнаруживаютъ массу странностей и причудъ; тому, на кого направлены ихъ вниманіе и расположеніе, нерѣдко приходится переживать много различныхъ непріятностей; тутъ будутъ разныя сцены, истерическія выходки, обмороки, припадки; истерическія рыданія; тутъ будетъ стремленіе во что бы то ни стало приковывать вниманіе къ своей личности, удерживать около себя предметъ обожанія; тутъ будетъ ревность по отношенію къ нему, ревность тягостная и мучительная для него. Романическое увлеченіе захватываетъ всего человека при истеріи; оно отвлекаетъ его еще болѣе отъ міра реального; оно дѣлаетъ его сознаніе въ данный періодъ времени очень узкимъ, ограниченнымъ, мало доступнымъ другимъ воздѣйствіямъ; оно выводитъ еще больше изъ равновѣсія его инфантильную психику; и всякія непріятности, находящіяся въ тѣсной связи съ этимъ романическимъ увлеченіемъ, онъ переноситъ плохо, по-дѣтски, съ капризами, съ причудами, ибо своему чувству онъ отдается непосредственно, забывая о многомъ, погружаясь въ свои переживанія, осложненные фантазіями и самовнушеніями. У нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ романическія увлеченія могутъ быть непостоянны, легко измѣнчивы; въ другихъ случаяхъ они стойки; и если здѣсь наступаетъ разочарованіе или если увлеченіе связано съ моральнымъ потрясеніемъ, то остается на долгое время слѣдъ непріятнаго характера въ психикѣ истерическаго индивидуума; и это сказывается не въ формѣ навязчивой мысли, это выражается обыкновенно въ видѣ длительного дурного настроенія, на фонѣ котораго обнаруживаются отъ времени до времени истерическіе припадки или обмороки и всплываютъ мысли и желанія прекратить свое существованіе; причемъ, значительная часть этой личной трагедіи разыгрывается въ области низшихъ психическихъ механизмовъ, въ сферѣ безсознательнаго; до сознанія же доходятъ нерѣдко въ этихъ случаяхъ лишь смутныя, неясныя эмоціональныя переживанія.

Надо добавить еще, что самыя половыя чувствованія у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ ведутъ къ болѣе рѣзкому обнаруженію истерическихъ признаковъ: интенсивность этихъ чувствованій, въ періодъ ихъ наибольшаго развитія, осложненная внушеніями и самовнушеніями, даетъ рядъ обмороковъ, припадковъ, другихъ истерическихъ проявленій; но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ нерѣдко существуетъ соотвѣтствующая анестезія по отношенію къ низшимъ фізіологическимъ актамъ сексуальнаго характера.

Многія истерическія лица наклонны къ кокетству, любятъ, чтобы за ними ухаживали представители другого пола; и неудовлетворенное самолюбіе или какая-либо обида въ этомъ отношеніи ведутъ къ чисто дѣтскимъ, инфантильнымъ выходкамъ и капризамъ.

Истерическіе субъекты, особенно женщины, часто одѣваются причудливымъ образомъ, и ихъ костюмъ нерѣдко выдѣляется среди другихъ; въ своемъ поведеніи экзальтированные истерическіе субъекты проявляютъ тѣ же причуды, обращающія на нихъ вниманіе многихъ окружающихъ, что, въ сущности, имъ и нужно. Впрочемъ слѣдуетъ оговориться, что это касается извѣстной категоріи истеричныхъ, но не всѣхъ ихъ безъ исключенія. Какъ мы видѣли выше, многія изъ лицъ данной организаціи стараются привлечь вниманіе другихъ не физическими признаками, а своими душевными особенностями, что и заставляеть ихъ и вести себя соотвѣтственно этому.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе тяжелымъ истерическимъ признакамъ и проявленіямъ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на то, какими особенностями отличающія воспринимающіе органы чувствъ у индивидуумовъ этой категоріи; у нихъ наблюдаются въ этомъ отношеніи характерныя особенности; именно, во многихъ случаяхъ существуетъ повышенная чувствительность, доходящая до гиперестезіи; многія лица съ истерической нервно-психической организаціей сами указываютъ на то, что ихъ слуховой аппаратъ отличается значительной остротой; и иногда, дѣйствительно, они могутъ слышать ясно и отчетливо то, что недоступно или мало доступно обыкновенному человеку; они могутъ слышать ползаніе по стѣнѣ мухи или какого-либо другого небольшого насѣкомаго; они хорошо различаютъ ничтожные порохи. Ихъ зрѣніе, если нѣтъ, конечно, физическихъ соотвѣтствующихъ аномалій, также нерѣдко оказывается настолько тонкимъ и острымъ, что даетъ имъ возможность видѣть то, что другой человекъ не можетъ разглядѣть при прочихъ равныхъ условіяхъ. Истерическіе субъекты весьма чувствительны къ обонятельнымъ и вкусовымъ ощущеніямъ; они различаютъ тонко и правильно неуловимые для обыкновеннаго человека запахи; они различаютъ иной разъ какимъ-то образомъ по запаху тѣла, считающіяся не пахучими, напр., многіе металлы. Тѣ же признаки повышенной чувствительности наблюдаются у нихъ и по отношенію къ общему чувству, къ тактильнымъ раздраженіямъ и пр.

Интересно отмѣтить, что вмѣстѣ съ этой гиперестезіей со стороны органовъ чувствъ при истерической конституціи наблюдается и рядъ признаковъ, указывающихъ на изъязы въ той или другой области этихъ воспринимающихъ аппаратовъ. Иной разъ истерическій субъектъ слышитъ ничтожные и неуловимые звуки, которые могутъ даже его раздражать и тревожить; иной же разъ тотъ же субъектъ какъ-будто не слышитъ и не воспринимаетъ громкаго разговора и даже обнаруживаетъ кажущуюся тупость слуха; и эти колебанія могутъ у него совершаться въ широкихъ размѣрахъ, притомъ въ теченіе короткаго времени. То истерическій индивидуумъ обнаруживаетъ острое зрѣніе, то оно у него словно притупляется и ослабляется. Болѣе стойкія и постоянныя явленія гиперестезіи наблюдаются въ этихъ случаяхъ со стороны обонянія и вкуса. Воспринимающій аппаратъ общаго чувства характеризуется при истеріи сочетаніемъ признаковъ, указывающихъ на гиперестезію и одновременную анестезію, то тактильную, то болевую, но иного рода.

II.

Въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ истерическихъ проявленій наблюдаются болѣе рѣзкіе и болѣе яркіе психическіе признаки, равно какъ и физическіе. Если, говоря объ истерическомъ характерѣ, было болѣе удобно прежде всего остановиться на разсмотрѣніи основныхъ психическихъ особенностей, ему присущихъ, то тамъ, гдѣ будетъ рѣчь о болѣе тяжелыхъ формахъ истерическаго психонейроза, удобнѣе изучить сначала тѣ признаки, которые выражаются въ формѣ физическихъ симптомовъ, но которые имѣютъ психогенное происхождение. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ при истеріи, констатируемыхъ при медицинскомъ изслѣдованіи, считаются измѣненія чувствительности разнаго рода. Нерѣдко здѣсь наблюдается утрата чувствительности на поверхности тѣла въ томъ или другомъ участкѣ его, въ формѣ половинной анестезіи, въ видѣ геміанестезіи; степень этой послѣдней бываетъ различная и по своей силѣ, и по своему распределенію; въ болѣе легкихъ случаяхъ расстройство чувствительности выражается въ томъ, что одна половина, обыкновенно лѣвая, воспринимаетъ болевая и тактильныя впечатлѣнія слабѣе, чѣмъ правая; и это обнаруживается и на туловищѣ, и на конечностяхъ, и на лицѣ. Иногда эта геміанестезія такъ значительна, что индивидуумъ не испытываетъ боли даже при довольно значительныхъ уколахъ булавкой, которую можно прямо буквально втыкать въ кожу. Утрата чувствительности, въ формѣ геміанестезіи, какъ было только что сказано, чаще всего бываетъ съ лѣвой стороны, т. е. съ той, на которой расположено сердце; но она можетъ быть, конечно, и справа, хотя это встрѣчается обыкновенно рѣже.

Вмѣстѣ съ пониженіемъ и даже съ полной утратой чувствительности, болевой и термической, въ лѣвой половинѣ тѣла, у истерическихъ субъектовъ существуютъ нерѣдко также аналогичныя расстройства и со стороны другихъ органовъ чувствъ; напр., со стороны глазъ часто констатируется съуженіе поля зрѣнія, неодинаковое съ обѣихъ сторонъ и въ различной степени; здѣсь можетъ быть простое ослабленіе восприимчивости зрительныхъ впечатлѣній; тутъ бываетъ то или другое расстройство цвѣтоощущенія; тутъ дѣло можетъ дойти даже до полной слѣпоты (амавроза). Со стороны слуха у истерическихъ субъектовъ отмѣчается иногда пониженіе его съ одной стороны, напр., слѣва; приходится видѣть случаи и истерической глухоты. То же самое надо сказать и по отношенію къ органамъ обонянія и вкуса. Интересно, что всѣ эти симптомы, даже самыя тяжелые съ внѣшней стороны, не имѣютъ въ своей основѣ анатомической подкладки и являются чисто функціональными, психическаго происхожденія, психогенными, т. е. могутъ возникать и исчезать подъ влияніемъ психическихъ моментовъ. Кромѣ симптомовъ выпаденія тѣхъ или иныхъ функций, связанныхъ съ органами чувствъ, при истеріи могутъ быть совершенно обратныя явленія, т. е. признаки раздраженія этихъ воспринимающихъ аппаратовъ, въ формѣ невыносимости къ свѣтовымъ и слуховымъ впечатлѣніямъ, въ видѣ физическихъ болей, иногда упорныхъ, трудно устранимыхъ и странно иногда локализованныхъ. То же касается и слизистыхъ оболочекъ.

Аналогичныя расстройства наблюдаются при истеріи и въ психомоторной области; здѣсь могутъ быть явленія выпаденія той или другой функціи или, обратно, признаки раздраженія. Хорошо изучены

и извѣстны истерическіе параличи, выражающіеся въ формѣ прекращенія произвольныхъ движеній или въ половинѣ тѣла, чаще слѣва, нежели справа, или въ той или другой конечности; и тогда получается то гемиплегія (половинный параличъ), то моноплегія (параличъ руки или ноги); иногда же у истерическихъ индивидуумовъ обнаруживается параличъ ногъ или рукъ, что носитъ названіе параплегіи; чаще бываетъ параличъ ногъ (нижняя параплегія). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣло не доходитъ до полного паралича, и тогда мы говоримъ о томъ, что та или другая часть тѣла находится въ состояніи слабости, т. е. пареза. И опять-таки необходимо подчеркнуть тотъ фактъ, что всѣ эти симптомы паралича или пареза не имѣютъ анатомической подкладки, являясь чисто психогенными признаками. Среди всѣхъ этихъ двигательныхъ расстройствъ, съ характеромъ выпаденія функций, расстройствъ чрезвычайно разнообразныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, иной разъ встрѣчаются признаки пареза или паралича такихъ мышечныхъ группъ или отдѣльныхъ мышцъ, которыя приходятъ въ сокращеніе, при произвольныхъ движеніяхъ, вмѣстѣ съ другими двигательными приборами и которыя не могутъ быть приведены нами въ сокращеніе отдѣльно; при истеріи же можетъ встрѣчаться подобное расстройство въ мышечномъ аппаратѣ, симулируя въ такихъ случаяхъ чисто анатомическое страданіе и оставаясь психогеннымъ по своему происхожденію. Въ числѣ двигательныхъ расстройствъ, но болѣе сложныхъ, надо отмѣтить существованіе у истерическихъ субъектовъ своеобразнаго расстройства походки, и въ такихъ случаяхъ наблюдается невозможность ходить и держаться на ногахъ; это будетъ то, что называется истерической абазіею-астазіею. Помимо симптомовъ выпаденія двигательныхъ функций, при истеріи наблюдается рядъ обратныхъ признаковъ, указывающихъ на явленія раздраженія, усиленной, хотя и нарушенной функции.

Здѣсь надо упомянуть о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ рядъ явленій патологическаго характера, иногда стойкихъ и упорныхъ, выражающихся въ формѣ трясенія различнаго рода, подергиваній, судорогъ; нерѣдко приходится встрѣчать очень тяжелыя съ внѣшней стороны контрактуры, не позволяющія выпрямлять страдающую конечность. Что касается рѣчевого аппарата, то здѣсь могутъ быть при истеріи то заиканіе, то дрожащая рѣчь, то невозможность говорить, доходящая до утраты способности выражать свои мысли членораздѣльно, до афазіи; иной разъ здѣсь наблюдается неспособность произносить громко звуки и слова; это будетъ то, что называется афоніею. Аналогичныя расстройства обнаруживаются и по отношенію къ способности писать или играть на музыкальныхъ инструментахъ. Подъ вліяніемъ психогенныхъ моментовъ при истеріи развиваются разнаго рода кожные симптомы, напр. краснота, мѣстные отеки, сыпи на тѣлѣ и пр., быстро возникающіе и быстро исчезающіе.

Симптомы, о которыхъ была рѣчь выше, какъ двигательныя, такъ и со стороны чувствительности, встрѣчаются, конечно, не въ каждомъ случаѣ; они не постоянны въ отдѣльныхъ случаяхъ; одинъ изъ нихъ, какъ, напр., половинная анестезія тѣла встрѣчается часто, даже весьма часто, особенно не въ рѣзко выраженной формѣ; другіе относятся къ рѣдкимъ явленіямъ. Однимъ изъ характерныхъ и почти обязательныхъ симптомовъ при истерической нервно-психической организаціи является своеобразное ощущеніе сжиманія въ

горлѣ, иногда сопровождающееся ощущеніемъ поднятія словно посторонняго тѣла изъ подложечной области къ горлу; это будетъ то, что называется *globus hystericus*. Иной разъ это ощущеніе беспокоитъ истерическаго субъекта мало, выражено у него слабо; въ другихъ случаяхъ оно беспокоитъ его, часто возникаетъ, сопровождается ощущеніями чего-то посторонняго въ горлѣ, ему кажется, что туда у него словно что-то попало, ему хочется откашливаться; ему думается, что у него болитъ горло, и это самое мѣшаетъ ему даже глотать жидкое. Ощущеніе *globus hystericus* измѣняется въ своей силѣ у одного и того же индивидуума; оно можетъ у него исчезать, если онъ спокоенъ; оно усиливается при эмоціяхъ, какъ радостныхъ такъ и печальныхъ, иногда достигая очень сильной степени. Рѣзкія ощущенія *globus hystericus* сопровождаются иной разъ судорожнымъ плачемъ или судорожнымъ смѣхомъ.

Очень часто при истеріи наблюдаются судорожные припадки; субъектъ при этомъ падаетъ, у него появляются судорожныя движенія, спина его изгибается, голова закидывается назадъ, руки и ноги вытягиваются или совершаютъ рядъ порывистыхъ движеній и пр.; и эти движенія иногда очень объемисты, сильны, иногда такъ сильны, что окружающимъ приходится съ трудомъ ихъ удерживать. Интересно, что такой субъектъ, впадая въ припадочное состояніе обыкновенно не ушибается; онъ можетъ упасть съ шумомъ и съ грохотомъ, но обыкновенно такъ осторожно для себя, что не причиняетъ себѣ поврежденія; онъ можетъ сильно биться во время припадка, но обыкновенно не ушибаетъ себя, развѣ случайно. И окружающіе напрасно боятся и оберегаютъ больного въ это время. Во время такого припадка не бываетъ ни блѣдности въ лицѣ, ни пѣны у рта, ни прикусыванія языка, какъ это наблюдается при падучей. Припадокъ у истерическаго субъекта кончается тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше они сохраняютъ спокойствія, хладнокровія и самообладанія. Хотя истерическій субъектъ и увѣряетъ, что онъ не помнитъ, что происходитъ съ нимъ во время припадка, но къ тому, что дѣлается въ это время вокругъ, онъ остается не безразличнымъ и воспринимаетъ это, хотя, можетъ быть, и не вполне все отчетливо. Припадки у истерическихъ субъектовъ бываютъ различной интенсивности неодинаково часто; и это зависитъ отъ многихъ условій, внутреннихъ и внѣшнихъ, отъ волненій, самовнушеній и внушеній и пр. То они часты, то рѣдки и на время совсѣмъ прекращаются. Какъ бы ни выражались эти припадки, они остаются психогеннымъ разстройствомъ и опасности для жизни даннаго субъекта никакой не представляютъ.

При истеріи наблюдаются, помимо указанныхъ выше двигательныхъ разстройствъ, помимо разстройствъ чувствительности, сосудодвигательныхъ и трофическихъ аномалій, а также кромѣ судорожныхъ припадковъ, еще цѣлая серія самыхъ курьезныхъ и причудливыхъ симптомовъ чисто физическихъ, но психогенныхъ по своему происхожденію. Напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чаще всего подъ влияніемъ моральныхъ волненій у истерическаго субъекта развивается потеря аппетита, извѣстная подъ именемъ *anorexia hysteric*; и больной при этомъ, дѣйствительно, иной разъ мало ѣстъ, голодаетъ, блѣднѣетъ и худѣетъ, у него появляется слабость, пища вызываетъ у него отвращеніе, тошноту и даже рвоту; и этотъ признакъ оказывается иногда

упорнымъ, трудно поддается устраненію; больной довольствуется при этомъ малымъ количествомъ пищи; иной же разъ онъ ѣстъ что-либо малолудобоваримое, малопитательное или что-либо совсѣмъ особенное. При *anorexia hysterica* субъектъ нерѣдко пользуется пищею въ то время, когда онъ остается одинъ, когда никого нѣтъ при немъ, когда окружающіе оставляютъ его въ покоѣ и мало съ нимъ говорятъ о пищѣ. Иной разъ такому субъекту пріятно, когда окружающіе дѣлаютъ видъ, что они не замѣчаютъ, что онъ прибѣгаетъ къ пищѣ, когда остается одинъ; и ему доставляетъ удовольствіе увѣрять самого себя и другихъ, что онъ живетъ безъ пищи. Эта *anorexia hysterica* не опасна для жизни больного; правда, онъ можетъ значительно истощиться, но онъ бессознательно или сознательно бережетъ себя и не пострадаетъ серьезно даже и отъ продолжительнаго сравнительно голоданія, конечно, не полнаго, при тайномъ употребленіи нѣкотораго количества какой-либо пищи.

При истеріи въ періоды обостренія ея могутъ наблюдаться тѣ или другія аномаліи сна; то это выражается въ формѣ бессонницы, то при этомъ бываетъ, наоборотъ, сонливость; бывають случаи, что истерическіе субъекты впадаютъ на нѣсколько дней въ сонъ; они въ это время остаются въ постели, ничего не ѣдятъ, лишь немного пьютъ, дѣятельность кишечника замедляется или задерживается на время; истерического субъекта, находящагося въ состояніи такого патологическаго сна, трудно разбудить; и если это удастся до нѣкоторой степени, то онъ снова сейчасъ погружается въ сонъ, похожій съ виду на сонъ здороваго человѣка; и эти случаи встрѣчаются сравнительно рѣдко, и сообщенія о нихъ вызываютъ удивленіе со стороны окружающихъ и попадаютъ обыкновенно въ газетныя извѣстія. Мнѣ приходилось видѣть такой случай, гдѣ истерической сонъ длился около недѣли.

Иной разъ во время истерическаго сна дыханіе становится поверхностнымъ и пульсъ едва ощутимымъ, и тогда получается такое состояніе, которое извѣстно подъ именемъ летаргіи. Здѣсь не лишнимъ будетъ и помянуть о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ психика субъекта остается бодрствующею, но онъ самъ остается неподвижнымъ, не можетъ въ теченіе нѣкотораго времени двинуть ни рукою, ни ногою, ничего сказать, хотя онъ и хотѣлъ бы проявить себя какимъ-либо движеніемъ. Это состояніе носитъ названіе ложной летаргіи.

У истерическихъ субъектовъ, помимо отмѣченныхъ уже выше психическихъ аномалій, наблюдается цѣлая серія другихъ своеобразныхъ и очень характерныхъ душевныхъ расстройствъ. Нерѣдко приходится слышать рассказы отъ самихъ больныхъ о томъ, что у нихъ бывають зрительныя галлюцинаціи, иногда при ясномъ сознаніи; напр., случится какое-либо моральное потрясеніе, и вотъ подъ влияніемъ этого нѣкоторые образы и нѣкоторыя представленія приобретаютъ большую напряженность, яркость и выражаются въ формѣ галлюцинацій, возникающихъ самостоятельно, спонтанно, преслѣдующихъ даннаго субъекта; эти галлюцинаторные образы то мимолетны, то они стойки. Содержаніе ихъ иной разъ черпается изъ дѣйствительныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ жизни индивидуума; то это—лишь фантазіи, облеченныя въ форму галлюцинацій. Многіе истерическіе субъекты очень расстраиваются при видѣ покойниковъ, и въ этомъ отношеніи у нихъ наблюдается какая-то особенная невынос-

ливость; нерѣдко приходится слышать отъ истерическихъ субъектовъ, что, подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ вида покойника, имъ начинаютъ мерещиться, особенно при плохомъ освѣщеніи, гроба, мертвецы и пр. Такія же навязчивыя галлюцинаціи бываютъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ истерическій субъектъ переживаетъ огорченіе или даже потрясеніе въ связи съ романическимъ увлеченіемъ и разочарованіемъ; и здѣсь галлюцинаторные образы одолеваютъ его, навязываются ему, имѣя связь и отношеніе къ тому, что было ближайшей причиною моральнаго потрясенія.

Очень часто упомянутыя выше зрительныя галлюцинаціи, очень живыя и яркія, бываютъ при истеріи въ связи и въ сочетаніи съ судорожными припадками; эти галлюцинаціи могутъ предшествовать наступленію припадка; онѣ могутъ быть въ концѣ судорожныхъ явленій; онѣ могутъ быть вмѣсто этихъ послѣднихъ. Если зрительныя галлюциннаціи предшествуютъ припадку, то онѣ вначалѣ наблюдаются еще до затуманенія сознанія; если же онѣ обнаруживаются во время припадка или вмѣсто припадка, то онѣ сопровождаются разстроеннымъ сознаніемъ, даже бредовыми идеями; при этомъ вы получаете такое впечатлѣніе, что больной переносится какъ будто въ другую обстановку, въ другое мѣсто, въ иныя условія; онъ ведетъ себя такъ, какъ будто не узнаетъ того, что его окружаетъ; онъ и фантазируетъ, и галлюцинируетъ. И тутъ окружающіе могутъ наблюдать у больного, что его настроеніе мѣняется, что онъ живо переживаетъ то, что создала его фантазія; онъ можетъ сердиться на воображаемыхъ лицъ, онъ умиляется и переживаетъ сладкія минуты и т. д. Въ это время онъ можетъ обнаруживать также и эротическія переживанія. Такое измѣненіе психики, стоящее въ связи съ припадкомъ, длится обыкновенно недолго, и лучше въ это время оставлять больного въ покоѣ, не реагировать на его состояніе, не обращать на него особеннаго вниманія. Какъ и при судорожномъ припадкѣ, такъ и здѣсь до сознанія истерическаго субъекта доходятъ внѣшнія впечатлѣнія, и онъ будетъ на нихъ по своему реагировать; они могутъ сдѣлать проявленія даннаго истерическаго приступа очень бурнымъ, болѣе продолжительнымъ. Когда очнется больной отъ припадка, когда онъ придетъ въ себя, то онъ будетъ рассказывать, что онъ плохо или почти не помнитъ того, что было съ нимъ только что, во время припадочнаго состоянія. Такъ или иначе удастся убѣдиться, что все-таки онъ помнитъ объ этомъ больше, чѣмъ увѣряетъ; повидимому, въ этихъ случаяхъ не бываетъ полной утраты воспоминанія о случившемся. Скептики скажутъ, что больной притворялся, что онъ разыгрывалъ одну лишь комедію, что онъ помнитъ хорошо все, что съ нимъ было тогда. Конечно, нельзя вполнѣ довѣрять истерическому субъекту, его рассказамъ въ частности; но несомнѣнно, многое выпадаетъ у него изъ сознанія, многое онъ не можетъ припомнить сразу, о многомъ сохраняется у него извращенное и неполное воспоминаніе. То обстоятельство, что онъ реагируетъ на окружающее, воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія во время припадка, не говоритъ непременно за то, что онъ долженъ помнить хорошо этотъ періодъ; весьма возможно, что въ эти моменты онъ живетъ низшими психическими механизмами, причемъ высшіе психическіе механизмы или дремлютъ, или совсѣмъ засыпаютъ; и когда у него просыпается верхнее сознаніе, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно не знаетъ, по крайней мѣрѣ до поры, до времени о томъ, что проис-

ходило и что имѣло мѣсто въ низшихъ психическихъ механизмахъ. Выше мы видѣли что при истеріи очень часто наблюдаются явленія выпаденія функцій; это мы наблюдаемъ тамъ, гдѣ существуютъ симптомы утраты той или другой чувствительности, и тамъ, гдѣ обнаруживаются признаки пареза или паралича той или другой мышечной группы. Вполнѣ возможно, что аналогичныя явленія выпаденія тѣхъ или иныхъ функцій имѣютъ мѣсто и въ другихъ отдѣлахъ нервно-психического механизма; и въ этихъ случаяхъ происходитъ диссоціація между отдѣльными психическими механизмами; въ этихъ случаяхъ создается такое положеніе, когда сознание оказывается какъ бы изолированнымъ и не знаетъ или плохо знаетъ о томъ, о чемъ оно твердо знаетъ въ нормальномъ состояніи. Всѣ эти соображенія указываютъ, по моему мнѣнію, на то, что истерическій субъектъ дѣйствительно можетъ плохо или неотчетливо помнить о томъ, что было съ нимъ во время припадочнаго состоянія. Психика истерического субъекта, какъ вы видите, рѣзко отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ душевной дѣятельности тѣхъ, которые считаются нормальными; и я едва-ли правильно, поэтому, объяснять такія сложныя душевныя явленія, какъ, напр., то, что переживаетъ истерическій субъектъ во время припадочнаго состоянія, съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія нормальнаго функціонированія психического механизма.

Для того, чтобы не были для васъ слишкомъ общими и суммарными мои разсужденія о многихъ истерическихъ симптомахъ, я позволю себѣ привести вамъ одинъ любопытнѣйшій случай изъ періода русско-японской войны; и этотъ случай, какъ реальное наблюденіе въ конкретной формѣ, даетъ вамъ болѣе наглядное представленіе объ истерическихъ расстройствахъ равнаго рода; больной, о которомъ будетъ рѣчь ниже, былъ мнѣ хорошо извѣстенъ, ибо я имѣлъ возможность наблюдать его въ лечебницѣ. Дѣло касается солдата, 24 лѣтъ, который былъ доставленъ съ Дальняго Востока. Въ лечебницу, гдѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ больнымъ, онъ поступилъ 21 іюня 1905 года; у больного наблюдались въ то время тяжелые съ внѣшней стороны физическіе симптомы; онъ не могъ ходить, и ноги его были согнуты въ колѣнныхъ сочлененіяхъ; контрактуры были такъ рѣзко выражены, что разогнуть ноги не могъ самъ больной; нельзя было сдѣлать это и при посторонней помощи, такъ какъ появлялись сильныя боли. Онъ былъ очень худъ и блѣденъ, имѣлъ страдальческій видъ. Когда съ нимъ завели разговоръ, то сейчасъ же оказалось, что на вопросы, которые предлагались ему обыкновеннымъ голосомъ, онъ не реагируетъ и слышитъ лишь тогда, когда говорятъ ему громче обыкновеннаго на лѣвое ухо. Онъ жалуется на то, что совершенно ничего не видитъ; но въ то же время онъ носилъ очки темнаго цвѣта, что онъ дѣлалъ, по его словамъ, потому, что «хотѣлъ защищать свои глаза отъ свѣта». Вслѣдствіе того, что ноги у него были сведены, онъ не могъ лежать въ постели и проводилъ время днемъ и ночью въ сидячемъ положеніи въ креслѣ. Онъ жаловался на то, что его беспокоятъ сильныя боли въ спинѣ и въ другихъ частяхъ тѣла. Свою голову онъ держалъ почти неподвижно и онъ говорилъ, что не можетъ сдѣлать ею по своему произволу ни одного движенія. Говорилъ онъ шепотомъ, тихо, едва слышно; чтобы разговаривать съ нимъ, нужно было наклоняться къ нему и громко говорить на лѣвое ухо. Какъ видно изъ только что сказаннаго, у больного наблюдалась тяжелая картина физическаго

разстройства: у него былъ параличъ ногъ съ контрактурами, у него была слѣпота и почти полная глухота. Чтобы начать съ нимъ бесѣду, нужно было осторожно къ нему прикоснуться, чтобы онъ почувствовалъ это, причемъ наблюдалось, что прикосновенія онъ легко воспринималъ и былъ по отношенію къ нимъ особенно чутокъ; онъ осторожно и деликатно ощупывалъ платье того, кто къ нему подходилъ и тщательно всего изслѣдовалъ кисти рукъ; онъ объяснялъ, что, лишившись зрѣнія, онъ научился распознавать и запоминать тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, по тѣмъ ощущеніямъ, которыя онъ получалъ, дотрогиваясь до платья подошедшаго къ нему и ощупывая его руки. Вслѣдствіе указанныхъ выше физическихъ симптомовъ, онъ производилъ впечатлѣніе несчастнаго больного; онъ спалъ сидя, онъ былъ прикованъ къ своему креслу, гдѣ помѣщался, весь обложенный подушками, смягчавшими его боли; онъ мало ѣлъ и, притомъ, употреблялъ въ пищу особенныя, имъ выбираемыя блюда. Съ окружающими онъ обходился очень ласково, былъ деликатенъ, любезенъ, не позволялъ себѣ рѣзкостей, не сердился, хотя въ то же время у него были и эгоистическія черты, что выражалось въ томъ, что онъ любилъ, чтобы были у него нѣкоторыя удобства, и не обращалъ вниманія на то, не беспокоитъ-ли онъ этимъ другихъ. Съ того времени, какъ онъ поступилъ въ лечебницу, состояніе его начинаетъ медленно и постепенно улучшаться; стало замѣтно, что улучшается его физическое состояніе; онъ сталъ громче говорить; онъ сталъ чувствовать себя крѣпче, что сказывалось, между прочимъ, въ томъ, что сила рукъ, бывшихъ прежде слабыми, стала замѣтно увеличиваться. Однажды онъ остался недоволенъ тѣмъ, что служитель, къ нему специально приставленный, долженъ былъ исполнять еще и другія обязанности; и вечеромъ въ этотъ день онъ сталъ говорить о томъ, что ему трудно дышать; потомъ вдругъ заволоновался еще больше, оттолкнулъ отъ себя служителя, пересталъ узнавать его; у больного тутъ же обнаружились подергиванія въ туловищѣ, въ рукахъ; онъ старался ударить рукою въ стѣну, приговаривалъ, что «японскія маски взяли его въ плѣнъ и заперли въ отхожее мѣсто». Иногда онъ звалъ и манилъ къ себѣ кого-то; и если къ нему кто-нибудь подходилъ, онъ дѣлалъ попытки ударить того человѣка; онъ упоминалъ объ «иродовой маскѣ» и объ «японской маскѣ». Временами, въ теченіе такого припадка, онъ успокаивался, затихалъ, но потомъ снова заводилъ разговоръ о томъ, что онъ въ плѣну у японцевъ; то ему казалось, что къ нему пріѣхала мать съ какой-то знакомой; иногда онъ словно рвался съ кресла, на которомъ сидѣлъ; то собирался куда-то ѣхать, говорилъ о какихъ то превращеніяхъ; успокоившись, онъ заснулъ; проснувшись, опять было началъ говорить о томъ, что онъ въ плѣну у японцевъ; но потомъ снова сталъ приходиться въ себя, молился, сталъ всѣхъ узнавать; и состояніе припадочное длилось у него около сутокъ. Когда закончилось это припадочное состояніе, онъ снова сдѣлался такимъ, какимъ былъ до того; но замѣтно было, что физически онъ оправляется все больше и больше; стали замѣчать, что онъ лучше слышитъ на лѣвое ухо. Черезъ мѣсяць припадокъ повторился, былъ въ общемъ похожъ на тотъ, что былъ раньше; только агрессивныя дѣйствія были выражены рѣзче и настойчивѣе, да въ концѣ припадка была икота и стоны. Проснувшись на другой день, больной говорилъ, что не помнить, что было съ нимъ наканунѣ вечеромъ; затѣмъ вскорѣ опять

были припадки, но болѣе слабые; интересно, что эти припадки появлялись тогда, когда больной чѣмъ-нибудь разстраивался, былъ недоволенъ чѣмъ-либо, на что-нибудь сердился. Окружающіе замѣчали все больше и больше, что больной любить, чтобы за нимъ ухаживали; онъ былъ доволенъ, когда замѣчалъ, что на него обращаютъ больше вниманія, чѣмъ на другихъ; ему нравилось, что нѣкоторые изъ служителей относились съ особеннымъ благоговѣніемъ къ нему, какъ къ какому-то необыкновенному больному. Когда ему стало лучше въ физическомъ отношеніи, то бросалось въ глаза, что хотя въ разговорѣ съ врачами онъ былъ обыкновенно ласковъ, мягокъ, вкрадчивъ и деликатенъ, но безъ нихъ отзывался о нихъ высоко, часто отказывался отъ лекарствъ, ему назначаемыхъ. Улучшеніе, однако, прогрессировало; временами больной, оставаясь одинъ, снималъ свои темныя очки и какъ будто осматривалъ свою комнату, протиралъ свои глаза; во время сна протягивалъ все свободнѣе и свободнѣе ноги, которыя днемъ оставались пока въ сведенномъ состояніи. Въ разговорѣ съ окружающими больной чаще и чаще напоминалъ о томъ, что онъ заболѣлъ съ 16 августа 1904 года и что около этого числа онъ долженъ и выздороветь; въ ночь на 14 августа 1905 г. онъ не спалъ совсѣмъ, волновался; предъ наступленіемъ утра служитель обратилъ вниманіе на то, что больной, который, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ не покидалъ кресла, гдѣ онъ проводилъ и день, и ночь, самъ приподнялся, всталъ тихо на колѣни около столика предъ иконой; онъ долго молился; затѣмъ онъ спросилъ себѣ стулъ и платье, одѣлся и, опираясь на руку служителя, вышелъ въ общую комнату, причемъ настойчиво требовалъ, чтобы поскорѣе убрали то кресло, на которомъ онъ сидѣлъ и съ которымъ у него было связано столько непріятныхъ воспоминаній. Затѣмъ движенія въ ногахъ становились свободнѣе и свободнѣе; разъ какъ-то появилось сведеніе въ нихъ, но оно скоро прошло; вмѣстѣ съ возстановленіемъ движеній и силы въ ногахъ слухъ у больного также постепенно улучшался. Зрѣніе также стало постепенно возстановляться; этому предшествовала сильная головная боль, бывшая у больного однажды; сначала онъ говорилъ, что видитъ все словно въ туманѣ, потомъ все яснѣе и яснѣе. Такимъ образомъ нашъ больной, будучи при поступленіи парализованнымъ, слѣпымъ и почти глухимъ, вполне отъ этого выздоровѣлъ; и у него остались своеобразныя особенности характера, свойственныя истерическимъ субъектамъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что у него были пониженіе чувствительности съ лѣвой стороны, отсутствіе глоточнаго рефлекса и рѣзкое суженіе поля зрѣнія. Больной рассказываетъ, что русско-японская война застала его на военной службѣ, и онъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ попалъ на Дальній Востокъ, куда и прибылъ ко времени битвы подъ Ляояномъ. Извѣстіе о томъ, что ихъ полкъ пойдетъ въ бой, онъ принялъ будто бы спокойно; но во время сраженія ему было жутко; онъ участвовалъ не только въ легкихъ перестрѣлкахъ, но и въ серьезныхъ дѣлахъ. Однажды, будучи на передовыхъ позиціяхъ, онъ, отступая, попалъ въ оврагъ, гдѣ пробылъ съ потерей сознания около полсутокъ; когда онъ пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ слабость въ ногахъ и боль въ спинѣ; немного оправившись, онъ снова принималъ участіе въ сраженіи, могъ взбираться на высокую сопку, и здѣсь былъ легко раненъ въ обѣ ноги. Хотя раны у него скоро зажили, но ходить онъ не могъ. Тутъ у него были сильныя боли въ спинѣ, не-

удержимая икота, истерическіе припадки съ затуманеніемъ сознанія, появились судороги въ ногахъ; и, затѣмъ, онъ оказался и слѣпымъ, и глухимъ, и параличнымъ. Бывали у него яркія зрительныя галлюцинаціи и наяву, при сохраненіи яснаго сознанія. Однажды, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, онъ могъ добраться самъ до церкви, откуда его, однако, пришлось уже принести. Какъ человѣкъ, не способный къ военной службѣ по болѣзни, онъ былъ эвакуированъ съ Дальняго Востока въ Москву, гдѣ прошелъ чрезъ нѣсколько лечебныхъ заведеній.

Только что приведенный случай такъ разнообразенъ по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, здѣсь было такъ много различныхъ физическихъ и психическихъ признаковъ истеріи, что онъ, думается мнѣ, хорошо демонстрируетъ то, что было сказано мною выше по поводу истерическихъ разстройствъ.

Всѣ физическіе симптомы, какъ-то: параличи ногъ, слѣпота и глухота были, несомнѣнно, психогеннаго происхожденія, т. е. служили выраженіемъ выпаденія функцій и не имѣли анатомической подкладки; и вся эта пестрая и причудливая картина о которой была сейчасъ рѣчь, развилась подъ вліяніемъ психическихъ моментовъ; а эти послѣдніе потому оказали здѣсь свое вліяніе, что прирожденная организація даннаго субъекта была истерическая. Судя по его рассказамъ, судя по его поведенію, когда онъ выздоравливалъ, у него существовали давно признаки истерическаго характера.

Въ этомъ случаѣ вы видите, какое вліяніе имѣютъ на психику истерическаго индивидуума волненія и потрясенія; кромѣ того, тѣ обстоятельства, при которыхъ наступило самое выздоровленіе, вѣрнѣе, исчезновеніе паралича, слѣпоты и глухоты, указываютъ на огромную роль самовнушеній, связанныхъ въ данномъ случаѣ съ религіозными чувствованіями. Что касается врачей, то отъ насъ онъ только слышалъ, что, несмотря на свою тяжелую болѣзнь, онъ поправится и будетъ здоровъ; объ этомъ онъ слышалъ часто, и это осталось не безъ нѣкотораго вліянія, какъ внѣшнее воздѣйствіе.

Теперь намъ остается еще упомянуть о другихъ уклоненіяхъ и аномаліяхъ въ психической дѣятельности истерическихъ субъектовъ, именно объ истерическомъ сомнамбулизмѣ, психическомъ автоматизмѣ или трансѣ, объ истерическихъ разстройствахъ памяти или амнезії и проч.

Прежде, чѣмъ опредѣлить, что понимается подъ словомъ сомнамбулизмъ, слѣдуетъ вспомнить, что у многихъ лицъ существуетъ наклонность разговаривать во время сна; у нѣкоторыхъ наблюдаются въ это время тѣ или иныя движенія, иногда сложныя и хорошо координированныя, но непродолжительныя, быстро исчезающія; напр., иной разъ спящій человѣкъ приподнимается на постели, садится, продолжая разговаривать. Это будетъ уже то, что въ болѣе рѣзкой формѣ превращается въ картину сомнамбулизма. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается такое состояніе, когда спящій человѣкъ встаетъ съ постели, идетъ тихо и осторожно, и совершаетъ какое-либо определенное дѣйствіе или рядъ дѣйствій; въ состояніи сомнамбулизма индивидуумъ можетъ выполнять очень сложныя дѣйствія; онъ можетъ не только переходить изъ комнаты въ комнату, но и покидать домъ, выходить наружу, взбираться очень ловко и искусно на деревья или на крышу. Помимо этого, человѣкъ, находящійся въ состояніи сомнамбулизма, можетъ иногда производить болѣе или менѣе сложную

интеллектуальную работу. Сомнамбулизмъ у истерическихъ субъектовъ бываетъ естественнымъ, т. е. обнаруживается во время естественнаго сна; или онъ можетъ быть искусственнымъ, вызваннымъ самовнушеніемъ или гипнотическимъ или инымъ какимъ-либо внушеніемъ. Естественный сомнамбулизмъ сопровождается амнезіей того, что переживаетъ субъектъ въ данномъ состояніи, иначе говоря, у него не сохраняется воспоминанія о томъ, что онъ дѣлалъ въ то время; но этого нельзя сказать вполне объ искусственномъ сомнамбулизмѣ. Во время естественнаго сомнамбулизма наступаетъ болѣе глубокое и болѣе рѣзкое разъединеніе между высшими и низшими психическими механизмами; но, помимо этого, въ этомъ состояніи низшіе психическіе механизмы приобрѣтаютъ не только самостоятельную дѣятельность, но и обнаруживаютъ тѣ свои функціи, которыя не знакомы нашему сознанію, которыя скрыты въ насъ и являются органами для насъ лишними и рудиментарными. Подобно тому, какъ и въ чисто физической сферѣ существуютъ такіе же рудиментарные органы, какъ, напр., червеобразный отростокъ на слѣпой кишкѣ, точно также и въ нашемъ психическомъ организмѣ заложены такіе аппараты, которые во время состоянія сомнамбулизма проявляютъ свою своеобразную дѣятельность, какъ зачаточныхъ аппаратовъ. Какъ мы говорили выше, во время сомнамбулическаго состоянія человѣкъ, оставаясь спящимъ, можетъ совершать не только рядъ болѣе или менѣе сложныхъ дѣйствій, но и обнаруживаетъ при этомъ такую ловкость передвиженія, такое искусство совершать опасныя и рискованныя дѣйствія, какое ему вовсе не свойственно тогда, когда сознаніе его бодрствуетъ; онъ можетъ, напр., взбираться на крышу, чего въ бодрственномъ состояніи онъ сдѣлать и не сможетъ; очевидно, что въ насъ скрыты эти курьезные психическіе аппараты, эти механизмы низшаго порядка, которые оказались лишними послѣ того, какъ человѣкъ постепенно переходитъ отъ дикаго состоянія къ культурному образу жизни, когда высшая психическая дѣятельность стала все больше и больше выдвигаться на первое мѣсто.

Говоря о сомнамбулизмѣ, необходимо тутъ же остановиться и на такъ назыв. психическомъ автоматизмѣ или трансѣ; это патологическое состояніе выражается въ томъ, что у даннаго индивидуума душевная дѣятельность становится чисто автоматической, причемъ онъ сохраняетъ видъ человѣка, у котораго вполне правильно дѣйствуютъ высшіе психическіе механизмы; онъ ведетъ въ это время себя правильно, онъ не приходитъ въ столкновение съ окружающими, онъ совершаетъ иной разъ довольно длинныя путешествія. Когда оканчивается такое состояніе психическаго автоматизма или трансa, то оказывается, что сознаніе не знало или плохо знало о томъ, что дѣлали низшіе психическіе аппараты въ это время. Интересно, что въ этомъ состояніи у индивидуума наблюдается потребность къ передвиженію, къ бродяжничеству, къ путешествіямъ, т. е. признакъ,носящій названіе «фуга». Состояніе психическаго автоматизма или трансa бываетъ въ различныхъ патологическихъ случаяхъ; оно можетъ быть между прочимъ, и у истерическихъ индивидуумовъ, хотя въ наиболѣе рѣзкой формѣ, въ наиболѣе яркой формѣ оно свойственно не истерическимъ субъектамъ, а лицамъ, страдающимъ падучей. При истерическомъ трансѣ не бываетъ, повидимому глубокой амнези, какая отмѣчается при эпилепсiи; у истерическихъ индивидуумовъ сохраняется въ той или другой степени способность припомнить кое-

что изъ періода психическаго автоматизма или трансъ; это удается имъ сдѣлать, если не сразу, то постепенно, между тѣмъ какъ при падучей субъектъ забываетъ и никогда не припомнить того, что онъ переживалъ во время трансъ. При истеріи этотъ послѣдній развивается или въ связи съ судорожнымъ припадкомъ, или подъ вліяніемъ моральнаго потрясенія, или подъ вліяніемъ самовнушенія или какого-либо внушенія.

Если бы мы сдѣлали попытку сравнить сомнамбулизмъ и психической автоматизмъ или трансъ, то пришлось бы сдѣлать заключеніе, что въ первомъ случаѣ индивидуумъ имѣетъ большое сходство съ человѣкомъ спящимъ, хотя и дѣйствующимъ иногда съ открытыми глазами; во всякомъ случаѣ индивидуумъ похожъ на человѣка, какъ бы дѣйствующаго разумно и сознательно. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ можно говорить о томъ, что здѣсь погружается въ сонъ большее количество психическихъ механизмовъ, нежели при трансѣ, гдѣ засыпаютъ лишь самые высокіе психическіе аппараты.

Переходимъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію истерическихъ разстройствъ памяти или амнезій. Изъяны памяти въ этихъ случаяхъ бываютъ выражены весьма разнообразно, неодинаково у отдѣльных истерическихъ субъектовъ и въ различной формѣ. Вообще надо сказать, что дефекты памяти встрѣчаются у нихъ часто, если не всегда; весьма возможно, что многія странности въ характерѣ, многіе поступки ихъ находятся въ связи съ этимъ психическимъ изъяномъ. Какъ извѣстно, истерическіе субъекты часто противорѣчатъ сами себѣ какъ на словахъ, такъ и въ поступкахъ; и это объясняется, по крайней мѣрѣ, отчасти тѣмъ, что они забываютъ или плохо помнятъ, вѣрнѣе, о томъ, что они говорили недавно или что они дѣлали недавно; то, что имъ пришлось видѣть или слышать отъ другихъ, имъ не удается воспроизвести сколько-нибудь правильно и безъ болѣе или менѣе крупныхъ промаховъ. Мы имѣли уже случай говорить о томъ, что истерическій субъектъ плохо помнить о судорожномъ припадкѣ, бывшемъ у него; и это также надо отнести на счетъ разстройства памяти. Искусственный сомнамбулизмъ, равно какъ и психическій трансъ также сопровождается, какъ мы видѣли только что, амнезией, т. е. утратой воспоминанія объ этихъ періодахъ, если не полной, то, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно существующей. Весьма интересны въ психологическомъ отношеніи своеобразныя истерическія амнезій, наблюдающіяся подъ вліяніемъ моральныхъ потрясеній или подъ вліяніемъ рѣзкаго самовнушенія. Иной разъ, напр., оказывается, что истерическій субъектъ забываетъ о той моральной несприятности, о томъ нравственномъ шокѣ, который былъ причиной амнезій. Если случится у такого субъекта какое-либо личное горе, личное несчастіе, то онъ можетъ забыть объ этомъ именно, сохраняя сравнительно хорошее для него воспоминаніе о всемъ прочемъ, что не связано съ этимъ событіемъ личнаго характера. Мать, потерявшая своего любимаго ребенка, можетъ иной разъ, если она истеричка, начать утверждать, что у нея вовсе и не было ребенка, или будетъ увѣрять и доказывать, что ребенокъ ея живъ и вовсе не умиралъ. Любопытно, что въ подобныхъ случаяхъ наблюдается оригинальная, частичная амнезія, т. е. утрата воспоминаній лишь объ извѣстномъ, строго опредѣленномъ рядѣ событій изъ личной жизни. Подобныя же амнезій обнаруживаются у истерическихъ субъектовъ въ связи съ ушибомъ головы, иногда ничтожнымъ, но сопровождающимся силь-

нымъ волненіемъ; и въ этихъ случаяхъ субъектъ забываетъ о самомъ фактѣ полученнаго имъ ушиба; если остался какой-либо слѣдъ на наружныхъ покровахъ, то субъектъ искренно удивляется тому, гдѣ и когда онъ пострадалъ, увѣряя, что онъ совершенно не помнитъ о томъ, что было во время этого происшествія. Замѣтимъ кстати, что если онъ не помнитъ объ этомъ въ данный моментъ, то онъ можетъ вспомнить объ этомъ въ другое время, въ иномъ психическомъ состояніи. Чаще всего въ такихъ случаяхъ забывается не только самый моментъ тяжелаго для субъекта происшествія, но утрачивается воспоминаніе отчасти и о томъ, что ему предшествовало: и тутъ приходится говорить не о простой амнезіи, не объ одной только частичной или парціальной амнезіи, но и объ амнезіи ретроградной. Эта форма расстройства памяти выражается иной разъ въ чрезвычайно курьезной формѣ; напр., послѣ припадка или подъ вліяніемъ моральнаго шока у истерическаго субъекта развивается забывчивость по отношенію къ тому, что онъ узналъ и усвоилъ во время своей сознательной жизни, и субъектъ забываетъ все, чему онъ научился въ школѣ, разучивается читать и писать, утрачиваетъ самыя элементарныя свѣдѣнія, имъ пріобрѣтенныя въ школьномъ возрастѣ, не говоря уже о болѣе позднихъ; ему многое приходится съ удивленіемъ узнавать изъ того, что онъ знаетъ, казалось, такъ прочно. Однако надо замѣтить, что такая колоссальная утрата пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и знаній можетъ скоро исправляться, ибо субъектъ такого рода очень быстро снова заучиваетъ и усваиваетъ, что выпало у него изъ сознанія и изъ памяти. Бываютъ еще такіе случаи, когда истерическій индивидуумъ переживаетъ словно два различныхъ состоянія; въ одномъ изъ нихъ онъ забываетъ и не помнитъ того, чего коснулся амнезіи; въ другомъ же состояніи онъ хорошо припоминаетъ всѣ подробности своей личной жизни; но здѣсь уже будетъ не только амнезіи; тутъ уже можно говорить о раздвоеніи личности, о томъ, что у даннаго индивидуума какъ будто существуетъ два психическихъ «я», изъ которыхъ одно знаетъ хорошо и твердо помнитъ все, а другое обладаетъ рѣзкими изъянами въ своихъ воспоминаніяхъ. Кромѣ утраты воспоминанія о томъ или иномъ событіи, о томъ или другомъ рядѣ событий, кромѣ амнезіи частичной или парціальной и амнезіи общей, полной или тотальной, у истерическихъ субъектовъ, рядомъ съ этими признаками функциональных выпаденій, могутъ наблюдаться также и симптомы, обратные этому, указывающіе на существованіе обостренной памяти. Эта гипермнезія бываетъ чаще всего, конечно, очень узкой, ограниченной; она обыкновенно находится въ связи съ какимъ-либо опредѣленнымъ періодомъ жизни или съ опредѣленнымъ временемъ жизни. Иной же разъ она выражается въ томъ, что субъектъ можетъ воспроизвести въ своемъ сознаніи такія мелочи изъ того, что онъ видѣлъ или слышалъ когда-либо, которыя считались имъ забытыми и навсегда утраченными; особенно поразительны тѣ случаи, когда субъектъ, правда, находящійся въ состояніи психическаго автоматизма или транса, можетъ, напр., повторить то, что онъ слышалъ давно и случайно что-либо, ему даже недоступное, воспроизвести дословно какой-нибудь текстъ, который онъ слышалъ когда либо случайно и содержаніе котораго онъ совершенно не могъ понимать, забывши совсѣмъ даже о самомъ этомъ фактѣ.

Если амнезія у истерическихъ субъектовъ можетъ быть не только частичной или парціальной, а также и тотальной, то этого, конечно,

нельзя сказать о гипермнезии, которая бывает исключительно частичной, такъ какъ въ психическомъ аппаратѣ истерическихъ субъектовъ преобладаютъ изъяны памяти, но никакъ не общее обостреніе ея.

У тѣхъ истерическихъ индивидуумовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ и дефекты моральныхъ чувствованій, наблюдается, въ связи съ этимъ и при участіи дефектовъ памяти, наклонность къ такъ назыв. ложнымъ воспоминаніямъ, къ псевдореминисценціямъ; этотъ признакъ носитъ названіе парамнезіи, т. е. здѣсь идетъ рѣчь не о простомъ дефектѣ памяти, а объ извращенныхъ образахъ воспоминанія. Принято говорить о лживости истерическихъ субъектовъ; по моему мнѣнію, здѣсь не всегда будетъ на-лицо то, что можно бы назвать лживостью, ибо самъ субъектъ, рассказывая свои небылицы и конфабулируя, вѣритъ, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ, въ то, что онъ рассказываетъ. Чаще всего истерическій индивидуумъ невѣрно и съ прикрасами передаетъ то, что онъ видѣлъ или слышалъ; но иной разъ это доходитъ до болѣе рѣзкой степени, и тогда въ рассказѣ такого субъекта нельзя узнать вовсе и того, что имѣло мѣсто въ дѣйствительности; иногда же рассказъ даннаго индивидуума является сплошнымъ вымысломъ. То эти ложныя воспоминанія у истерическихъ субъектовъ индифферентны, благодущны, ни для кого не вредны; то эти фантазированія, особенно при существованіи болѣе или менѣе глубокихъ дефектовъ въ моральной сферѣ, очень непріятны для нѣкоторыхъ изъ окружающихъ; а если эти ложныя воспоминанія дѣлаются стойкими, то ведутъ нерѣдко къ тому, что истерическій субъектъ начинаетъ обвинять кого-нибудь изъ тѣхъ съ кѣмъ ему приходилось или даже не приходилось никогда имѣть никакого дѣла; между прочимъ, замѣчу, что истерическія женщины нерѣдко предъявляютъ обвиненіе кому-либо изъ мужчинъ въ изнасилованіи; эти конфабуляціи могутъ касаться и врачей, и этимъ послѣднимъ приходится быть особенно осторожными въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ, напр., тогда, когда истерическая женщина обращается къ врачу съ просьбой гипнотизировать ее.

Разстройство памяти въ формѣ амнезіи указываетъ лишь на существованіе дефектности функцій; то же, что называется парамнезіей или ложными воспоминаніями, имѣетъ, можетъ быть, нѣсколько иной генезъ; мы уже указывали на то, что рѣзко выраженные истерическія конфабуляціи существуютъ рядомъ со слабо развитыми моральными чувствованіями. Кроме того, надо замѣтить, что обычныя, лишенные злостности и обвиненія другихъ въ какомъ-либо предосудительномъ поступкѣ или преступленіи, ложныя воспоминанія у истерическихъ субъектовъ очень напоминаютъ стремленіе къ фантазированію у дѣтей въ извѣстномъ возрастѣ. Этотъ признакъ въ дѣтскомъ возрастѣ встрѣчается нерѣдко, и иногда его поощряютъ и поддерживаютъ взрослые; если у дѣтей онъ не представляетъ до поры, до времени ничего аномальнаго, то, оставаясь, хотя и въ измѣненной формѣ въ юношескомъ возрастѣ и даже въ зрѣломъ, онъ долженъ быть отнесенъ къ числу патологическихъ явленій; этотъ признакъ, носящій названіе мифоманія, являющійся въ дѣтскомъ возрастѣ часто обычнымъ, остается у многихъ истерическихъ субъектовъ и позднѣе. Это указываетъ, между прочимъ, и на то, что истерическая психика не безъ основанія называется инфантильной или дѣтскою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на что мы обращали вниманіе

еще раньше, когда говорили объ особенностяхъ истерическаго характера, какъ прирожденной нервно-психической организаціи или конституціи.

Въ связи съ дефектами памяти и съ склонностью къ ложнымъ воспоминаніямъ, при инфантильной психикѣ, очень часто наблюдаются у истерическихъ субъектовъ неправильныя мысли по отношенію къ кому-либо изъ окружающихъ; въ этихъ случаяхъ часто приходится отмѣчать обидчивость, склонность видѣть въ поступкахъ и дѣйствіяхъ со стороны окружающихъ не только невниманіе, но и желаніе причинить что либо непріятное, вредное, оскорбительное; и многихъ изъ истерическихъ субъектовъ трудно увѣрить въ томъ, что они ошибаются, что ихъ не игнорируютъ и пр. Повидимому, многія изъ такихъ мыслей находятся отчасти въ связи съ изъяснами памяти и съ извращенными или измѣненными образами воспоминанія.

Говоря по поводу различныхъ истерическихъ проявленій, наблюдающихся у отдѣльныхъ лицъ этой категоріи, мы указали на наиболѣе выдающіеся признаки этой прирожденной нервно-психической организаціи; конечно, то, въ чемъ сказывается вообще истерія, будетъ еще разнообразнѣе, и здѣсь могутъ наблюдаться какіе либо особенныя признаки; но перечисленіе всѣхъ ихъ завело бы насъ далеко, да оно и не входитъ въ нашу задачу. Достаточно имѣть общія руководящія идеи по поводу истерическихъ проявленій, чтобы уже свободно ориентироваться въ массѣ истерическихъ причудъ и мелочей и правильно ихъ оцѣнивать. Однако необходимо еще обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны въ ученіи объ истеріи. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что истерія обнаруживается несовсѣмъ одинаково въ различныхъ общественныхъ группахъ; напр., въ классахъ интеллигентныхъ, среди обезпеченнаго сословія истерія представляетъ собою одно, среди простаго сельскаго населенія Россіи—истерическіе признаки иные; разница между той и этой истеріей иногда настолько значительна, что получается впечатлѣніе, что это какъ будто двѣ разныя въ психологическомъ отношеніи картины. Оно и понятно само собою, ибо при истеріи огромное вліяніе на внѣшнія проявленія имѣютъ самыя разнообразныя условія; тутъ играетъ роль и степень умственнаго развитія, запасъ свѣдѣній, окружающая среда, ея взгляды и очарованія. Истерія есть психогенное страданіе, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всякаго рода впечатлѣнія, достигающія до сознательной или безсознательной области субъекта, отражаются такъ или иначе на его психической дѣятельности. Но среди своеобразныхъ проявленій истеріи надо отмѣтить ту ея разновидность, которая наблюдается среди крестьянскаго населенія Россіи, именно у женщинъ, и которая носитъ названіе кликушества. Эта форма истеріи выражается въ томъ, что у кликуши является неуправляемое стремленіе вскрикивать въ церкви во время обѣдни, въ опредѣленные моменты этой церковной службы, при видѣ нѣкоторыхъ иконъ, почитаемыхъ за чудотворныя, во время молебновъ нѣкоторымъ святымъ. Женщина-кликуша говоритъ, что ей трудно удержаться отъ того, чтобы не начать выкрикивать въ эти моменты религиозной службы; чаще всего это неуправляемое стремленіе обнаруживается во время пѣнія херувимской пѣсни и во время Великаго выхода за обѣдней; если кликуша не удержалась, то она громко вскрикиваетъ, пронзительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ у нея могутъ раз-

виться тутъ же судорожные истерическіе симптомы. Многимъ кликушамъ это обстоятельство, т. е. неудержимое стремленіе выкрикивать въ церкви, мѣшаетъ посѣщать нѣкоторыя церковныя службы, такъ какъ кликуша, которая не сдержалась отъ громкаго выкрикиванія, приходится окружающимъ выводить или выносить изъ церкви. Нѣкоторыя кликуши чувствуютъ себя обыкновенно дурно и тогда, если онѣ не бываютъ въ церкви и если онѣ остаются дома, но знаютъ, что совершается въ это время церковная служба; и это одно уже ихъ волнуетъ, вызываетъ чувство стѣсненія въ груди или въ горлѣ, т. е. то, что носитъ названіе *globus hystericus*. Кликуши во время церковной службы или при другихъ соответствующихъ условіяхъ не только выкрикиваютъ, но и впадаютъ въ настоящій истерическій припадокъ, бьются, рвутъ на себѣ одежду и пр. Кликушество стоитъ въ тѣсной связи съ распространенной среди нашего простого класса вѣрой въ порчу, въ одержимость бѣсами; и у многихъ истеричекъ-кликушъ существуетъ сознательное представленіе или сознательная мысль о томъ, что онѣ «испорчены», что въ нихъ поселился нечистый противъ ихъ воли и желанія; это убѣжденіе можетъ и не сознаваться кликушами и храниться въ бессознательной области. Съ этой точки зрѣнія понятной становится вся картина самаго кликушества, со всѣми его проявленіями, очень странными и курьезными. Если бы вы пожелали познакомиться съ психическимъ складомъ кликушъ, съ ихъ психическими особенностями, то легко убѣдились бы въ томъ, что и здѣсь, какъ и при истеріи въ другихъ классахъ общества, огромную роль играютъ самовнушенія и внушенія, подвижная аффективность и все то, что характерно для прирожденной истерической нервно-психической организаціи. Среди кликушъ однѣ отличаются общительностью, любятъ проводить время въ обществѣ, другія выгладятъ мрачными, задумчивыми, нелюдимыми, дичатся людей, избѣгаютъ появляться въ общественныхъ мѣстахъ. Наиболѣе непріятное самочувствіе, въ формѣ дурного настроенія, наблюдается у кликушъ въ то время, когда онѣ переживаютъ періодъ выкрикиваній во время церковныхъ службъ; подъ вліяніемъ мысли о томъ, что онѣ одержимы злымъ духомъ, у нихъ бываетъ временами и очень тяжелое настроеніе. Приступы кликушества у одной и той же больной могутъ на время совсѣмъ прекращаться, то они возобновляются, то они рѣдки, то часты; иной разъ кликуша, переживая этотъ періодъ выкрикиваній, разстается съ этимъ припадочнымъ состояніемъ, оставаясь съ своеобразными особенностями, свойственными истерическому характеру вообще. Внѣшнія вліянія при кликушествѣ играютъ огромную роль; понятно само собою, что кликуша находитъ поддержку со стороны окружающихъ своимъ ложнымъ идеямъ о бѣсоодержимости; иногда въ этомъ убѣжденіи поддѣрживаютъ ее не только простые люди, но и нѣкоторые изъ тѣхъ, кого мы считаемъ иногда людьми интеллигентными. Такъ какъ кликуши сами себя считаютъ одержимыми злымъ духомъ и такъ какъ этотъ взглядъ раздѣляется и поддерживается окружающей средой, то, конечно, возникаетъ съ той и другой стороны стремленіе обратиться за помощью къ отчитыванію. Существуютъ особенныя церковныя учрежденія, гдѣ производится отчитываніе вообще и кликушъ въ частности; въ этихъ церквахъ и часовняхъ вы услышите выкрикиванія истеричекъ этого рода; вы можете увидѣть, какъ бьются кликуши въ судорожныхъ

припадкахъ, какъ изображаютъ онѣ выходъ изъ нихъ злой силы, которая не хочетъ оставить своей жертвы и своего мѣстопробыванія въ ней. Вся эта картина происходитъ подѣ влияніемъ несомнѣннаго самовнушенія, подѣ влияніемъ также и внушеній со стороны окружающихъ, ихъ разговоровъ и пр. Но, въ общемъ, надо сказать, что все это—та же истерія, такъ хорошо намъ теперь знакомая, со всѣми ея характерными основными психическими признаками.

Среди своеобразныхъ проявленій, которыя могутъ наблюдаться иногда при истеріи, надо указать на такъ назыв. Ganser'овскій симптомъ; онъ выражается въ формѣ нелѣпѣйшихъ отвѣтовъ на самыя простые вопросы. Этотъ симптомъ, развивающійся иногда внезапно подѣ влияніемъ волненія, былъ впервые отмѣченъ д-ромъ Ganser'омъ. Лица, у которыхъ наблюдается этотъ признакъ, даютъ удивительно странные отвѣты на вопросы, имъ предлагаемые; ихъ отвѣты поражаютъ своей абсурдностью, хотя получается такое впечатлѣніе, что они понимаютъ до нѣкоторой степени смыслъ вопросовъ; въ своихъ отвѣтахъ они обнаруживаютъ поразительное невѣжество и исчезновеніе свѣдѣній, которыя у нихъ должны быть непремѣнно. Если вы спрашиваете такого человѣка, какъ его зовутъ, какъ его имя и отчество, онъ отвѣчаетъ то быстро, то колеблясь и какъ бы подумавши, но неправильно. Такіе же неправильные и даже прямо нелѣпые отвѣты получаютъ и тогда, когда вы спрашиваете такого человѣка о томъ, сколько ему лѣтъ, который теперь годъ, мѣсяць, число и пр. Если вы предлагаете больному произвести какое-либо вычисленіе, самое простое въ умѣ или если вы предлагаете въ видѣ задачи таблицу умноженія, напр., то и тутъ васъ поражаетъ странность и нелѣпость отвѣтовъ, обыкновенно противорѣчивыхъ, какъ бы случайныхъ. Интересно, что, несмотря на эту нелѣпость въ отвѣтахъ, эти послѣдніе соответствуютъ предлагаемымъ вопросамъ; напр., при вопросѣ о фамиліи, имени и отчествѣ дается отвѣтъ, но неправильный; на вопросы въ предѣлахъ таблицы умноженія больной произноситъ цифры, но неправильныя. Тамъ, гдѣ имѣется налицо рѣзко выраженный симптомъ Ganser'a, получается такое впечатлѣніе, что какъ будто человѣкъ нарочно даетъ такіе неправильные и нелѣпые отвѣты, что какъ будто онъ симулируетъ все это. Прежде, до изслѣдованія Ganser'a, здѣсь видѣли одно лишь притворство, между тѣмъ какъ теперь съ несомнѣнностью убѣдились въ томъ, что это является въ результатѣ очевиднаго болѣзненнаго состоянія; Ganserъ убѣдился въ томъ, что эти нелѣпые отвѣты сопровождаются истерическими признаками и служатъ выраженіемъ сумеречнаго истерическаго состоянія. Интересно отмѣтить, что такое состояніе развивается иной разъ быстро у лицъ, находящихся въ предварительномъ заключеніи, которыхъ ждетъ допросъ по обвиненію въ какомъ-либо преступленіи; и это обстоятельство заставило еще больше думать именно о симуляціи. Этотъ симптомъ Ganser'a можетъ быть выраженъ неодинаково, то рѣзче, то слабѣе, то онъ исчезаетъ, то снова появляется у одного и того же субъекта; и его можно разсматривать, какъ своеобразный параличъ въ области логическаго аппарата. Говоря о Ganser'овскомъ симптомѣ, приходится отмѣтить, что онъ сопровождается своеобразнымъ сумеречнымъ состояніемъ сознания, отличнымъ отъ состоянія сомнамбулизма и отъ состоянія психическаго автоматизма или транса; и границы этого сумеречнаго состоянія очерчиваются нерѣзко и неясно.

Чтобы дополнить еще картину истерических психических аномалий, необходимо отметить, что у многих истерических субъектов, под влиянием моральных потрясений, в связи с различного рода неприятностями или в зависимости иной раз от каких-либо физических болезней, обнаруживаются те или другие непреодолимые влечения; нередко здесь наблюдается то, что называется копролялея, т. е. неудержимое стремление произносить громко бранные, грубые и неприличные слова, и этот симптом встречается иногда у молодых и воспитанных девиц; он может быть настолько характерным, что он один дает возможность сделать правильное распознавание той психологической основы, на которой он обнаружился. Я припоминаю одну молодую особу, воспитанную девицу, очень вживую и корректную обыкновенно в обращении с окружающими, которая была взволнована болезнью своего брата, алкоголика, впавшего в бѣлую горячку; во время этой болезни брат ее употреблял при сестре неприличную брань; и вот, когда он стал поправляться, окружающие замѣтили, что сестра больного начинает повторять эти неприличные слова и не может удержаться от этого; следовательно, у нея обнаружилась копролялея, и при исследовании оказалось, что эта девица — несомненная истеричка.

Помимо неудержимаго и импульсивнаго стремления произносить неприличные и циничныя слова, в связи с истерией могут наблюдаться и другие влечения такого же характера, т. е. импульсивныя и неудержимыя; напр., может обнаружиться в этих случаях стремление взять чужую вещь, совершить поджогъ, даже убийство или какое-либо иное преступление. Повидимому, эти антисоциальныя непреодолимыя влечения, совершаемыя противъ воли и желанія субъекта, при сохраненіи яснаго сознанія, имѣютъ мѣсто тогда, когда при истерической психикѣ существуетъ одновременно и слабость моральныхъ чувствованій, не служащихъ въ этомъ случаѣ задерживающимъ моментомъ. Любопытно, что нѣкоторыя изъ этихъ непреодолимыхъ влеченій обнаруживаются и обостряются у истерическихъ женщинъ во время беременности, во время кормленія ребенка, в теченіе другихъ чисто физиологическихъ состояній. Я припоминаю, напр., что мнѣ пришлось видѣть какъ-то, въ качествѣ эксперта въ камерѣ судебного слѣдователя, одну молодую женщину, которая во время беременности взяла у кого-то изъ окружающихъ драгоценныя вещи, свезла ихъ на кладбище и тамъ хотѣла зарыть ихъ въ землю на какой-то могилѣ; она хорошо помнила, какъ все это она дѣлала, но совершенно не могла объяснить, зачѣмъ и съ какой цѣлью она дѣлала это.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при истеріи наблюдается стремленіе къ самоубійству; оно можетъ быть выражено рѣзко и слабо, его напряженность колеблется даже у одного и того же индивидуума; достигая большой интенсивности, при отсутствіи задерживающихъ моментовъ, оно превращается въ импульсивное и непреодолимое влеченіе и заканчивается иногда трагическимъ образомъ. Здѣсь будетъ не лишнимъ упомянуть о томъ, что истерическіе субъекты нередко, подъ влияніемъ неприятностей и разныхъ неудачъ, особенно въ связи съ огорченіями и потрясеніями личнаго и интимнаго характера, говорятъ о самоубійствѣ, и многіе изъ нихъ дѣлаютъ попытки такого рода; иной разъ въ этихъ случаяхъ это продѣлывается болѣе или менѣе искренно; иногда же тутъ можетъ быть какъ бы симуляція

серьезной попытки разстаться съ своею жизнью, что дѣлается для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе окружающихъ или чтобы вызвать со стороны другихъ удивленіе. Повидимому, возможны такіе случаи, что истерическій субъектъ, начиная съ кажущейся симуляціи, входитъ въ свою роль, поддаваясь самовнушенію и не всегда можетъ во-время остановиться на этомъ скользкомъ пути.

Кромѣ этихъ антисоціальныхъ импульсивныхъ или непреодолимыхъ влеченій, упомянутыхъ выше, при истеріи наблюдаются извращенія вкуса, связанныя съ непреодолимымъ влеченіемъ къ какому-либо веществу, не употребляемому другими людьми; иной разъ въ этихъ случаяхъ встрѣчаются курьезныя, странныя, причудливыя влеченія; напр., у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ, преимущественно у женщинъ, бываетъ непреодолимое влеченіе къ глину или землю, причемъ такого рода субъекты поѣдаютъ это въ большомъ количествѣ, даже въ огромномъ количествѣ; у нихъ, подъ вліяніемъ такой своеобразной пищи развивается похудѣніе, слабость, недомоганіе, измѣняется цвѣтъ кожи; и эти случаи землѣдства или глиноѣдства встрѣчаются впрочемъ рѣдко; для обозначенія этихъ симптомовъ существуютъ даже особыя названія, какъ то: «геофагія» и другія. Менѣе рѣзко выраженные вкусовыя извращенія у истерическихъ субъектовъ встрѣчаются очень часто; сюда, напр., относится влеченіе употреблять съ удовольствіемъ въ большомъ количествѣ что-либо особенно кислое, напр., уксусъ или что-нибудь другое, что избѣгается обыкновенными людьми.

Заканчивая рѣчь объ истерическихъ психическихъ особенностяхъ, необходимо упомянуть еще о томъ, что истерическіе субъекты весьма часто оказываются доступными внушеніямъ вообще и гипнотическимъ внушеніямъ въ частности; объ этомъ намъ приходилось говорить уже; здѣсь остается сказать еще о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ гипнотическое состояніе, искусственно вызванное, приводитъ субъекта въ состояніе своеобразнаго мышечнаго оцѣпенѣнія съ явленіями восковой гибкости (*flexibilitas cerea*), носящаго названіе катаlepsis.

До сихъ поръ мы говорили или объ истерическомъ характерѣ, или о болѣе рѣзкихъ истерическихъ проявленіяхъ, носящихъ названіе истерической психопатіи; но существуютъ такія психическія разстройства у индивидуумовъ этого рода, гдѣ вся картина носитъ признаки уже довольно рѣзкаго душевнаго заболѣванія; объ этомъ можно говорить уже, напр., тамъ, гдѣ существуетъ симптомъ *Ganser's*; но и помимо этого, у истерическихъ индивидуумовъ бываютъ острыя и болѣе или менѣе затыжныя душевныя разстройства; тѣ и другія чаще всего развиваются въ связи съ судорожными припадкомъ и обыкновенно подъ вліяніемъ моральныхъ потрясеній, огорченій, неудачъ и пр.; въ числѣ этихъ моральныхъ моментовъ, на первомъ мѣстѣ во многихъ случаяхъ, надо поставить романическія непріятности и потерю любимыхъ и близкихъ лицъ. Острое душевное истерическое заболѣваніе выражается въ формѣ спутанности, съ яркими зрительными галлюцинаціями, иногда съ двигательнымъ безпокойствомъ; чаще же всего оно сопровождается, наоборотъ, капризами и лежаніемъ въ постели. Иной разъ этотъ психозъ проходитъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, иногда же онъ затягивается на нѣсколько недѣль или на много мѣсяцевъ.

Какъ вы видите, истерія представляетъ изъ себя чрезвычайно

пеструю и причудливую картину; выше я далъ лишь краткое описаніе главныхъ симптомовъ этого психонейроза, столь богатаго своими внѣшними признаками. Къ этому надо добавить, что истерическія явленія присоединяются нерѣдко къ физическимъ и органическимъ заболѣваніямъ; кромѣ того, у нѣкоторыхъ истерическихъ субъектовъ наблюдается, особенно при слабо развитыхъ моральныхъ чувствованіяхъ, стремленіе какъ бы симулировать какую-либо физическую болѣзнь. Но и это не все; очень часто сама истерія симулируетъ другія физическія страданія; какъ извѣстно, существуютъ истерическія гемиплегіи, имѣющія сходство съ гемиплегіями послѣ кровонзліянія въ мозгъ или послѣ закупорки мозговыхъ сосудовъ; истерическій параличъ ногъ можетъ имѣть сходство съ заболѣваніемъ спинного мозга; иногда истерія симулируетъ сухотку спинного мозга и т. д., и т. д.; и здѣсь нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ физическія болѣзни, которыя можетъ симулировать истерія; но надо сказать, что, будучи психогеннымъ нейрозомъ, она, конечно, не можетъ вызывать всѣхъ симптомовъ, сопровождающихъ физическія страданія; напр., если нѣтъ соотвѣтствующей причины, она не можетъ дать картины лихорадочнаго состоянія съ повышеніемъ температуры тѣла, по крайней мѣрѣ, это до сихъ поръ остается научно недоказаннымъ. Если истерическій субъектъ сознательно преувеличиваетъ то болѣзненное, что онъ испытываетъ, или если онъ желаетъ ввести окружающихъ въ заблужденіе, какъ бы симулируя нѣкоторые симптомы тяжелыхъ болѣзней, чтобы обратить на себя вниманіе окружающихъ и врачей, то въ этомъ можно сравнительно легко ориентироваться сколько-нибудь опытному человѣку; и въ этихъ признакахъ сказывается инфантильная психика истерическаго субъекта: Несомнѣнно, болѣе любопытны и интересны въ психологическомъ отношеніи тѣ случаи, гдѣ не самъ индивидуумъ какъ бы сознательно симулируетъ болѣзнь, но гдѣ сама истерія, если можно такъ выразиться, симулируетъ и копируетъ иногда тяжелую физическую болѣзнь; и этотъ процессъ психогеннаго характера разыгрывается въ подсознательной области истерическаго субъекта; и въ этомъ случаѣ могутъ обнаружить свои функціи скрытые глубоко, рудиментарные психическіе аппараты низшаго порядка.

III.

Теперь мы переходимъ къ теоретической сторонѣ современнаго ученія объ истеріи и о психогенныхъ разстройствѣ. Вопросъ о сущности истеріи и психогенныхъ разстройства интересуетъ лицъ, занимающихся научной неврологіей, и онъ служитъ предметомъ обсужденія на специальныхъ сѣздахъ врачей. Достаточно указать на то, что этотъ вопросъ ставился на одномъ изъ послѣднихъ (въ 1907 г.) сѣздовъ французскихъ неврологовъ и психіатровъ и на международномъ сѣздѣ врачей-спеціалистовъ въ Amsterdam'ѣ. Здѣсь въ докладахъ и въ преніяхъ принимали участіе также и многіе изъ выдающихся представителей неврологіи западной Европы, и это дало богатый матеріалъ по данному вопросу. Я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ этихъ взглядовъ въ современной наукѣ на сущность истеріи. Д-ръ Schnyder (изъ Bern'a), указавъ на трудность квалификаціи всѣхъ разнообразныхъ истерическихъ проявленій, обращаетъ вниманіе на то, что до сихъ поръ попытки представить полную симптоматиологию истеріи сводились къ тому обыкновенно, что

упоминалась почти вся симптоматология нервных болѣзней: чтобы приблизиться къ болѣе точному опредѣленію понятія объ истеріи. Schnyder отмѣчаетъ слѣдующіе характерные признаки истеріи: фантастическое воображеніе, душевный ирраціонализмъ, приводящій субъекта къ неточному представленію о реальномъ мірѣ, его окружающемъ, къ аномальному выраженію своихъ аффективныхъ состояній и къ измѣненію, болѣе или менѣе значительному, его личности. Онъ полагаетъ, что нѣтъ истерической психики въ собственномъ смыслѣ этого слова; психическія состоянія, отличающіяся одни отъ другихъ, могутъ привести къ истерической модификаціи. Истерическія явленія могутъ наблюдаться въ различномъ возрастѣ и при различныхъ характерахъ, и на проявленіе истеріи, на ея внѣшнія особенности оказываютъ вліяніе и этнологическія условія, и социальныя. По мнѣнію д-ра Schnyder'a, излишняя функція нѣкоторыхъ психическихъ механизмовъ, существующая въ той или другой степени у всѣхъ почти индивидуумовъ, можетъ обнаружить истерическія черты, часто временныя и случайныя, иногда рѣзко выраженыя и дающія картину, клиническую форму психонейроза: эти черты наблюдаются въ теченіе другихъ психозовъ, даже въ картинѣ прогрессивнаго паралича иногда и т. д. Истерическія состоянія берутъ свое начало, посредствомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ такъ назыв. нормальномъ состояніи; и истерическая модификація психики сводится къ обостренію и извращенію психическихъ и психо-физическихъ реакцій, свойственныхъ нормальному индивидууму; для истеріи характерны, между прочимъ, своеобразныя эмоціональныя реакціи и особенная внушаемость. Въ дѣтской психикѣ существуютъ основныя черты истерическаго свойства, и можно говорить даже о физиологической истеріи дѣтскаго возраста. То, что наблюдается при истеріи у взрослога, указываетъ на психическую регрессію въ смыслѣ возникновенія инфантильнаго типа, съ его недостатками логическаго сужденія. Истерія является однимъ изъ способовъ аномальной реакціи индивидуума на внѣшнія условія, и здѣсь большую роль играютъ различнаго рода моральныя и социальныя условія, особенно у женщинъ, болѣе воспримчивыхъ къ недостаткамъ своего общественнаго положенія; такимъ же образомъ надо объяснять и истерію, развивающуюся въ необезпеченныхъ классахъ населенія. Далѣе, д-ръ Schnyder думаетъ, что истерія есть болѣзнь развитія человѣческаго духа; она является болѣзнью молодыхъ индивидуумовъ и болѣзнью дѣтскаго періода человечества; она рѣдко, поэтому, встрѣчается у стариковъ, гдѣ психическая эволюція закончилась. Истерія оказывается непремѣннымъ атрибутомъ эволюціонныхъ фазъ человечества; о ней начинаютъ говорить въ историческіе моменты всякій разъ, когда стремленія человѣческаго духа, его мечты сдерживаются и подавляются существующими условіями; она даетъ звать о себѣ въ періоды, предшествующіе великимъ моральнымъ переворотамъ, общественнымъ и политическимъ революціямъ; и лучшимъ примѣромъ этого служатъ средніе вѣка, которые были классической эпохой массовой истеріи, ибо въ это время всѣ консервативныя силы, съ церковью во главѣ, сплотились вмѣстѣ, чтобы подавлять стремленіе человѣческаго духа къ прогрессу. Въ тѣ періоды, когда начинается обратное развитіе какого-либо народа, его инволюція, истерическія проявленія массоваго характера исчезаютъ, подобно тому, какъ нѣтъ ихъ и въ старости у отдѣльныхъ лицъ.

Далѣ, среди нѣкоторыхъ классовъ истерія находитъ весьма благоприятную почву для своего развитія; сюда относится сельское населеніе и рабочій пролетаріатъ, по мнѣнію д-ра Schnyder'a; среди жителей деревень встрѣчаются наиболѣе чистыя формы истеріи, и временами здѣсь наблюдаются истерическія эпидеміи, напоминающія то, что было въ средніе вѣка. Очень часто истерическіе признаки развиваются у лицъ, съ простой и наивной психикой, перенесенныхъ въ новыя условія существованія, къ которымъ они съ трудомъ приспособляются. По мнѣнію д-ра Schnyder'a, очень часто обнаруживается истерія у молодыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, являющихся за заработкомъ въ города. Онъ не согласенъ съ тѣми, кто видитъ въ истеріи единственно лишь проявленіе психической дегенерациі. Рядомъ съ упомянутыми выше формами эволюціонной истеріи, обнаруживающейся въ періодъ умственного роста индивидуума или группы лицъ, или плѣлыхъ народовъ, авторъ этотъ различаетъ еще форму дегенеративной истеріи; онъ указываетъ на то, что дегенерациа создаетъ низшій психическій типъ, приближающійся, по своимъ особенностямъ, къ инфантильному типу; и истерія возникаетъ тогда, когда, при дегенерациі, уменьшается у даннаго индивидуума критика и понижается качество сужденій. Опытъ показываетъ, что дегенеративныя формы истеріи встрѣчаются чаще среди обезпеченныхъ классовъ современнаго общества, особенно среди буржуазіи; и здѣсь рѣдко бывають массовыя проявленія истеріи, но часто комбинаціи истерическихъ чертъ и другихъ дегенеративныхъ психопатологическихъ признаковъ; между прочимъ, здѣсь нерѣдко встрѣчается сочетаніе съ навязчивыми состояніями, съ психастеническими симптомами. Вопросами, интересными и для психолога, и для врача, являются вопросы о томъ, наблюдается ли истерія въ настоящее время чаще, чѣмъ прежде, каково будущее истеріи и пр. Признавая трудность опредѣленнаго отвѣта на первый изъ этихъ вопросовъ на основаніи какихъ-либо статистическихъ данныхъ, д-ръ Schnyder полагаетъ, однако, что историческое изученіе истеріи свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкоторыя формы послѣдней уменьшаются съ прогрессомъ цивилизаціи; напр., становятся рѣже массовыя проявленія истеріи, подобныя тѣмъ, какія описывались въ средніе вѣка; становятся болѣе рѣдкими и индивидуальныя формы истеріи, связанные съ религіознымъ мистицизмомъ, съ вѣрой въ духовъ и демснвъ и пр. Освобождаясь все болѣе и болѣе отъ религіозныхъ суевѣрій, человѣчество имѣетъ у себя другія неблагоприятныя условія для моральнаго существованія, въ видѣ экономической борьбы, въ формѣ социальныхъ аномалій; и здѣсь истерія проявляется лишь, по преимуществу, у индивидуумовъ съ простой, наивной, дѣтской психикой; она долгое время, по мнѣнію Schnyder'a, будетъ свойственна женской психикѣ; переменна социальныхъ условій, съ успѣхомъ феминизма, поведетъ къ постепенной замѣнѣ истерическихъ проявленій неврастеническими. Таковы взгляды д-ра Schnyder'a, высказанные имъ въ специальномъ докладѣ на съѣздѣ французскихъ неврологовъ и психіатровъ въ 1907 году. Другой докладчикъ, д-ръ Claude, полагаетъ, что истерію можно разсматривать, какъ особый діатезъ, берущій свое начало въ конституціональномъ состояніи нервной системы, причемъ здѣсь существуетъ недостатокъ въ управленіи элементарными рефлкторными процессами, какъ психическими, такъ и органическими; здѣсь наблюдается способность про-

лироваться, сознательнымъ или безсознательнымъ путемъ, нѣкоторыя воспріятія и давать имъ возможность обнаруживать ихъ динамогенетическое вліяніе, помимо высшей дѣятельности, на нѣкоторыя психическія функціи.

Проф. Pierre Janet, извѣстный своими медико-психологическими изслѣдованіями объ истеріи, о навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, выступилъ въ качествѣ докладчика на тему объ истеріи на Amsterdam'скомъ сѣздѣ врачей-неврологовъ; онъ озаглавилъ свой докладъ «Истерія, какъ душевная болѣзнь». Въ виду того, что взгляды этого изслѣдователя имѣютъ огромное значеніе въ области патологической психологіи,—предмета, имъ созданнаго, я позволю себѣ остановиться также подробнѣе и на его представленіи объ истеріи. Если истерія есть душевная болѣзнь въ широкомъ смыслѣ этого слова, то она должна входить въ область психіатріи и, слѣдовательно, при изученіи этого страданія необходимо пользоваться методами этой науки. Среди типическихъ проявленій истеріи нужно отмѣтить душевное расстройство у истерическихъ субъектовъ, какъ одинъ изъ частыхъ признаковъ ея и притомъ чрезвычайно оригинальный; въ области душевной патологіи нѣтъ такого психического расстройства, которое можно бы смѣшать съ истерическимъ; оно сопровождается галлюцинаціями и развивается опредѣленнымъ образомъ; во время истерическаго душевнаго расстройства субъектъ не воспринимаетъ ничего, что не соотвѣтствуетъ его доминирующей идеѣ; и когда она исчезаетъ, у него не всегда остается воспоминаніе и объ этой идеѣ, и о томъ, что онъ переживалъ, т. е. при этомъ исчезаютъ изъ-подъ контроля сознанія опредѣленные представленія. Съ одной стороны здѣсь происходитъ эманципація ихъ, съ другой—образуется изъяснъ въ индивидуальномъ сознаніи. Подобныхъ признаковъ нѣтъ ни при какомъ другомъ психопатологическомъ состояніи; эти представленія, изолированныя, выпадающія изъ сознанія, выражающіяся въ сомнамбулической формѣ, можно, по мнѣнію Pierre Janet, сравнивать только съ навязчивыми психическими состояніями при психастеніи; и онъ думаетъ, что это родственныя явленія, хотя и различающіяся до нѣкоторой степени другъ отъ друга; именно, обсессіи являются менѣе независимыми, не изолированными и не сопровождаются ни утратой чувствительности, ни запамятованіемъ. Сравнивая, съ точки зрѣнія психологической, различныя явленія при психастеніи и при истеріи, Pierre Janet приходитъ къ заключенію, что для развитія истерическихъ явленій необходимо измѣненіе во всей нервной системѣ; для этого необходимо пониженіе психологическаго тонуса и пониженіе психическаго уровня; такъ какъ въ настоящее время нѣтъ въ наукѣ анатомическаго, ни фізіологическаго объясненія истерическихъ проявленій, то приходится довольствоваться психологическимъ опредѣленіемъ истеріи. По мнѣнію Pierre Janet, истерія есть психозъ изъ группы депрессивныхъ психозовъ; она особенно близка къ психастеніи; и онъ даже добавляетъ, что истерическіе субъекты являются лишь разновидностью психастениковъ; въ этой разновидности отмѣчается лишь преобладаніе глубины диссоціаціи въ области индивидуальнаго сознанія, наклонность къ суженію поля сознанія.

Проф. Raymond, замѣститель Charcot въ Salpêtrière'ѣ, много работавшій вмѣстѣ съ Pierre Janet въ области патологической психологіи, высказывалъ свой взглядъ на истерію какъ на сѣздѣ,

такъ и въ клиническихъ лекціяхъ; онъ полагаетъ, что при истеріи наблюдается недостаточный контроль нашего «я» надъ полученными воспріятіями и надъ процессомъ концепцій; нѣкоторыя ощущенія и воспріятія убѣгаютъ изъ-подъ руководства сознательной дѣятельности, становятся самостоятельными, очень интенсивными и патологическими; при этомъ развивается внушаемость; при истеріи существуетъ беспорядокъ въ области «я» и рядомъ съ этимъ нарушение правильности мозговыхъ рефлексовъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ и производящихъ беспорядокъ въ той или другой области. При истеріи нѣтъ и слѣда какого либо анатомическаго измѣненія, ей соответствующаго. Этотъ свой взглядъ Каупондъ примѣняетъ къ объясненію отдѣльных истерическихъ симптомовъ, подробно останавливаясь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Д-ръ Sollier (изъ Парижа), обращая вниманіе на то, что вопросъ объ истеріи затемняется введеніемъ въ него концепцій философскихъ, моральныхъ и метафизическихъ, полагаетъ, что врачамъ, при опредѣленіи сущности истеріи, необходимо держаться анатомической и физиологической почвы; онъ указываетъ на то, что при истеріи имѣется специальная почва для истерическихъ проявленій; и эта почва можетъ быть или конституціоной, или приобретенной; нарушение въ нервно-психическомъ механизмѣ происходитъ отъ мнѣнію Sollier, послѣдніе словно засыпаютъ, погружаются въ сонъ; онъ думаетъ, что истерія—вовсе не особая болѣзнь; это—лишь особый способъ реакціи со стороны нервной системы и особенно со стороны мозговой коры.

Швейцарскій психологъ Claparède предлагаетъ разсматривать истерическія проявленія не въ клинической атмосферѣ и не только съ точки зрѣнія психологической, но и съ точки зрѣнія обще-биологической; не слѣдуетъ забывать, по его мнѣнію, того, что человѣчскій организмъ достигъ своего развитія черезъ безконечно длинную серію поколѣній; и для того, чтобы уяснить себѣ значеніе нѣкоторыхъ психическихъ механизмовъ, необходимо принимать во вниманіе то, что даетъ намъ сравнительная психо-физиологія. Истерическія проявленія можно понимать двояко: или какъ новые болѣзненные признаки, какъ психическое новообразование, или какъ обостреніе нормальныхъ психо-физиологическихъ явленій. Claparède останавливается на послѣдней точкѣ зрѣнія. Истерическіе симптомы суть реакціи, имѣющія значеніе защитительныхъ реакцій или символовъ этихъ послѣднихъ, но эти реакціи обнаруживаются у нормальнаго индивидуума лишь въ зачаточномъ, рудиментарномъ состояніи; нѣкоторыя изъ нихъ являются, можетъ быть, лишь оживленіемъ такихъ реакцій, которыя существуютъ только у животныхъ, ими пользующихся. Если что-либо вызываетъ въ насъ отвращеніе, боль, ужасъ, словомъ, намъ не нравится и намъ непріятно, мы ищемъ способовъ изгнать этотъ предметъ изъ нашего сознанія; то мы отворачиваемся, то отвлекаемъ отъ него наше вниманіе; когда у насъ зубная боль, мы дѣлаемъ попытки забыться отъ нея, т. е. стараемся устранить это непріятное ощущеніе изъ психическаго синтеза, составляющаго наше сознаніе въ данный моментъ. Теперь посмотримъ, что происходитъ въ томъ случаѣ, когда истерическій субъектъ, послѣ пораненія руки, обнаруживаетъ анестезію въ этой области; нѣтъ ли здѣсь явленія такого же порядка, какъ и у насъ

при зубной боли? У истерического субъекта реакция является аномальной, обостренной, преувеличенной; она остается даже и тогда, когда защитительная реакция уже больше не нужна. Амнезия у истерических индивидуумов, с этой точки зрения, есть лишь задержка функций соответствующих нервных центров, которые хранят пережитыя неприятныя воспоминанія о какомъ-либо событіи; активная задержка нѣкоторыхъ нервныхъ функций есть реакция, въ смыслѣ защиты, играющая огромное вліяніе въ животномъ царствѣ, напр., симуляція смерти. Въ ощущеніи сжиманія въ горлѣ, въ ощущеніи *globus hystericus Claparède* видитъ символизацію защитительнаго органическаго акта, именно повышенную и обостренную реакцію отвращенія. Что касается кожныхъ истерическихъ расстройствъ, то въ нихъ этотъ авторъ видитъ также деформированную реакцію со стороны кожи, очень распространенную въ животномъ царствѣ, на различныхъ ступеняхъ зоологической лѣстницы.

Иную точку зрѣнія, сравнительно съ предыдущими авторами высказываетъ д-ръ *Vabinski*, одинъ изъ выдающихся парижскихъ невропатологовъ: онъ полагаетъ, что такъ называемыя истерическія стигмы, къ которымъ относятся пониженіе чувствительности съ одной стороны, суженіе поля зрѣнія и пр., являюся случайными, внутренними симптомами; по его мнѣнію, эти истерическія стигмы могутъ быть результатомъ самовнушенія или, чаще, бессознательнаго внушенія при медицинскомъ изслѣдованіи; если истерическій субъектъ прежде не подвергался изслѣдованію, если при немъ не изслѣдовались другіе больные, то у него не будетъ суженія поля зрѣнія, ни геміанестезіи. *Vabinski* говоритъ, что онъ произвелъ въ этомъ направленіи рядъ наблюденій, сдѣланныхъ съ извѣстными предосторожностями, и убѣдился въ правильности своего взгляда и въ томъ, что истерическія стигмы суть не что иное, какъ слѣдствіе самовнушенія при соответствующихъ условіяхъ или результатъ медицинскаго изслѣдованія больныхъ. Анализируя истерическія стигмы, *Vabinski* не видитъ въ нихъ ничего характернаго для какой-либо определенной болѣзни и не раздѣляетъ воззрѣній классической школы на сущность истеріи; онъ предлагаетъ для обозначенія истерическихъ признаковъ, исчезающихъ подъ вліяніемъ убѣжденія, терминъ «пифіатизмъ».

Другимъ противникомъ классической школы ученія объ истеріи является проф. *Bernheim* (изъ Nancy); онъ обращаетъ вниманіе на тѣ признаки, которые считаются характерными для истерическихъ состояній; онъ останавливается на дезинтеграціи психическаго синтеза, суженіи поля сознанія, раздвоеніи личности, абуліи, изъясненіяхъ въ управленіи элементарными рефлексорными процессами, какъ психическими, такъ и органическими. Онъ утверждаетъ, что такое же сочетаніе психологическихъ признаковъ или имъ подобное можетъ наблюдаться у лицъ, переживающихъ какое-либо интенсивное эмоціональное состояніе: гнѣвъ, печаль и пр., и не страдающихъ истерическими припадками; онъ не встрѣчалъ ихъ у лицъ, у которыхъ бывають припадки. По мнѣнію *Bernheim*'а, истерія является непонятной, неопредѣлимой болѣзнию; въ такомъ видѣ, какъ она описывается, истеріи не существуетъ; это—не отдѣльная болѣзненная форма; и *Bernheim* предлагаетъ отказаться отъ термина «истерія» или примѣнять его только для обозначенія припадковъ. Среди тѣхъ признаковъ, какіе имѣють то или другое отношеніе къ истеріи,

этотъ авторъ различаетъ три категоріи явленій: во-первыхъ, онъ допускаетъ возможность развитія, подѣ влияніемъ эмоціональнаго волненія, припадка у какого-либо индивидуума; причемъ этотъ припадокъ сопровождается судорогами, затрудненіемъ дыханія, контрактурами, кажущейся сонливостью, беспорядочнымъ возбужденіемъ, вскрикиваніемъ; это будетъ, по мнѣнію *Veinheim'a*. эмоціональная реакція, обостреніе той реакціи, которая обнаруживается у всякаго индивидуума при извѣстныхъ условіяхъ. Это и будетъ нервный припадокъ; прежніе наблюдатели были поражены тѣмъ, что этотъ странный симптоматическій, сложный аппаратъ чаще встрѣчается у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, и что онъ сопровождается своеобразными ощущеніями сжиманія въ области живота и въ подложечной; и тогда возникло представленіе, что въ происхожденіи такихъ припадковъ необходимо участіе половой сферы, именно *uterus*, откуда и происходилъ и самый терминъ «истерія». Въ настоящее время такое воззрѣніе на сущность и на происхожденіе истеріи, въ современной наукѣ о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, не признается. Припадокъ, подобный описанному выше и вызванный эмоціональнымъ состояніемъ, можетъ быть случайнымъ въ жизни индивидуума; онъ можетъ больше не повториться; причемъ и до него, и послѣ него у этого субъекта не наблюдается никакихъ аномалій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти припадки повторяются, но въ связи съ эмоціональнымъ состояніемъ, повторяются рѣдко, не возникаютъ спонтанно, а лишь только подѣ влияніемъ эмоціи; въ этихъ случаяхъ физическое и душевное здоровье остается хорошимъ въ промежутки между припадками; это будутъ случайные, временные симптомы и лишь повышенныя эмоціональныя реакціи; но это не будетъ болѣзнь. Во вторыхъ, если такіе припадки, вызванныя эмоціей, повторяются затѣмъ самостоятельно, возникая подѣ влияніемъ самовнушенія и воспомнанія о прежде бывшихъ, то въ нервной системѣ развивается наклонность къ подобнымъ припадкамъ; и въ этомъ отношеніи наблюдается то же, что и въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается, напр., тикозныхъ движеній, нервнаго кашля и пр., т. е. всѣхъ симптомовъ, наклонныхъ становиться стойкими и возникающихъ подѣ влияніемъ самовнушенія. Припадки, часто повторяющіеся, ведутъ къ настоящему истерическому діатезу; это будетъ уже болѣзнь. При извѣстныхъ условіяхъ эта болѣзнь можетъ излечиваться, и индивидуумъ выздоравливаетъ. Кромѣ припадковъ въ истеріи *Veinheim* не видитъ ничего другаго, и ими она исчерпывается, по его мнѣнію; и въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ взглядъ *Vabinsk'аго*. Онъ не признаетъ особеннаго истерическаго характера, къ которому относятся лживость, наклонность къ симуляціи, эротизмъ и пр., ибо всѣ эти качества онъ наблюдалъ у лицъ, никогда не страдавшихъ припадками.

Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на всѣхъ теоріяхъ и гипотезахъ, предложенныхъ для объясненія сущности истеріи и истерическихъ проявленій вообще, я хотѣлъ бы упомянуть объ одной, которая пользуется большою извѣстностью, хотя многими и не раздѣляется вовсе. Это—теорія проф. *Freud'a* (изъ Вѣны), работавшаго вмѣстѣ съ *Breuer'омъ*; она стоитъ въ связи съ примѣненіемъ такъ называемаго психоанализа къ леченію нѣкоторыхъ неврозовъ и, въ частности, истеріи. *Freud* имѣетъ своихъ учениковъ и послѣдователей; въ числѣ послѣднихъ нужно назвать *Jung'a* (Цюрихъ), одного

изъ самыхъ талантливыхъ изслѣдователей въ данномъ направленіи, создавшаго методикѣ такъ назыв. ассоціативнаго эксперимента. Jung, умаляя значеніе анатомическаго метода въ разрѣшеніи психо-патологическихъ вопросовъ, привлекаетъ вниманіе къ увлекательнымъ и заманчивымъ перспективамъ, открывающимся взору изслѣдователя при примѣненіи психо-анализа и ассоціативнаго эксперимента; замѣтимъ, что Jung на специфическую этиологию истеріи смотрятъ иначе, чѣмъ Freud, не такъ уже узко, какъ послѣдній.

По мнѣнію представителей этой школы, психическое потрясеніе, сопровождающееся извѣстными и опредѣленными реакціями, постепенно сглаживается; и аффектъ, съ нимъ связанный, исчезаетъ изъ сознанія и забывается; но, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нервная система даннаго субъекта не легко освобождается отъ результатовъ психической травмы; при этомъ нѣкоторая группа представленій задерживается въ нервной системѣ и сохраняетъ длительную и довольно интенсивную энергію. Въ этихъ случаяхъ нервно-психической механизмъ не въ состояніи въ достаточной степени удалить излишнія представленія, окрашенныя рѣзкимъ аффективнымъ состояніемъ; но тутъ можетъ случиться, что извѣстная серія неприятныхъ впечатлѣній удалится и скрывается изъ сферы яснаго сознанія; она какъ бы изолируется, сохраняя сложность и образуя отдѣльный психическій механизмъ чуждый сознанію; и этотъ изолированный механизмъ играетъ теперь уже роль раздражителя, сидящаго въ нервной системѣ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій потенциальная энергія этого раздражителя трансформируется въ кинетическую, и здѣсь происходитъ своего рода конверсія, причемъ упомянутый раздражитель, въ формѣ изолированнаго психическаго механизма, обнаруживаетъ свое дѣйствіе, что отражается на томъ или другомъ отдѣлѣ физическаго организма; и все это совершается въ подсознательной или бессознательной области. Что касается содержанія этихъ удалившихся изъ сознательной сферы неприятныхъ представленій, то оно, по мнѣнію Freud'a и его школы, связано съ тяжелыми впечатлѣніями полового характера. Такое объясненіе даютъ Freud и его послѣдователи истеріи. Замѣтимъ кстати, что Freud'овская школа держится того взгляда, что для излеченія и устраненія истерическихъ проявленій необходимо извлечь изъ бессознательной сферы эту серію удалившихся туда неприятныхъ впечатлѣній сексуальнаго характера, переведя ихъ такъ или иначе въ область сознанія; и это удаленіе изъ нервно-психическаго механизма, выше, упомянутаго, такъ сказать, посторонняго, инороднаго тѣла освобождаетъ субъекта отъ истерическихъ проявленій.

Выше я указалъ лишь на нѣкоторыя изъ гипотезъ о сущности истеріи; какъ видно, взгляды различныхъ авторовъ на сущность истеріи, на границы ея представляютъ большое разнообразіе и иногда эти взгляды даже противоположны. Какъ это было отмѣчено выше, одни авторы принимаютъ истерію такъ, какъ она имъ представляется со всѣми ея симптомами, какіе при ней окажутся; другіе, какъ, напр., Babinski и Verneim, отрицая существованіе истерическихъ стигмъ, полагаютъ, что въ картинѣ истеріи симптомы, считающіеся наиболѣе для нея характерными, являются вызванными нерѣдко медицинскимъ изслѣдованіемъ и распросомъ. Совершенно вѣрно, истерія въ такой формѣ, какъ она наблюдалась во времена знаменитаго Charcot, въ настоящее время едва ли часто встрѣчается;

теперь вы едва ли встретите часто ту классическую картину истерического припадка, съ его послѣдовательными фазами, съ страстными позами и пр.; такая картина истерическихъ припадковъ была, повидимому, въ значительной степени культивирована въ то время въ Salpêtrière'ѣ, гдѣ проходила дѣятельность покойнаго Charcot, обратившаго особенное вниманіе на истерическія проявленія. Признавая, что въ классической картинѣ истеріи и истерическихъ припадковъ было много внушеннаго, много самовнушеннаго, нельзя однако, согласиться съ противоположнымъ мнѣніемъ Bernheim'a, который говоритъ объ истеріи тогда, когда имѣются припадки. Это мнѣніе будетъ, пожалуй, также крайностью. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что Bernheim не признаетъ истерическаго характера; онъ отрицаетъ существованіе специфическихъ психическихъ признаковъ истеріи; онъ полагаетъ, что то, что наблюдается въ этомъ отношеніи у истерическихъ субъектовъ, встрѣчается и у другихъ лицъ, при иныхъ психопатологическихъ состояніяхъ. Правда, можно согласиться съ Bernheim'омъ, что среди истерическихъ стигмъ есть и такія, которыя оказываются внушенными; но, несомнѣнно, независимо отъ внѣшнихъ условій, отъ внѣшнихъ впечатлѣній, измѣняющихъ такъ или иначе внушенныя явленія у истерическихъ индивидуумовъ, психика этихъ послѣднихъ остается весьма доступной внушеніямъ и самовнушеніямъ; этотъ фактъ, думается мнѣ, нельзя устранить, его нельзя игнорировать, ибо указанная особенность психическаго склада истеричныхъ, ихъ организаціи составляетъ характерную черту ихъ нервно-психическаго механизма. Я сомнѣваюсь даже въ томъ, возможно ли приобрести эти психическія особенности истерическаго свойства; по моему мнѣнію, онѣ являются прирожденными; ими опредѣляется индивидуальный характеръ даннаго лица, онѣ составляютъ собою его психологическую фізіономію. Понятно само собою, что эти прирожденные особенности характера развиты неодинаково въ количественномъ отношеніи у отдѣльныхъ лицъ; но онѣ рѣзко выражены, то остаются до поры до времени въ скрытомъ латентномъ состояніи; даже степень ихъ внѣшняго проявленія колеблется у одного и того же индивидуума въ разные періоды его жизни. Наблюденіе показываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно послѣ моральныхъ потрясеній, послѣ сильныхъ эмоцій, слабо выраженное до этого истерическое состояніе обостряется въ рѣзкой степени; бываетъ и такъ, что вдругъ какъ бы среди полнаго здоровья обнаруживаются рѣзкія истерическія проявленія; и тогда получается такое впечатлѣніе, что эти послѣднія вспыхнули среди полнаго здоровья; обыкновенно же въ этихъ случаяхъ удается убѣдиться въ томъ, что и прежде, до этого еще, были аномаліи, напоминающія истерическій характеръ. Безъ нихъ не будетъ рѣзкихъ истерическихъ проявленій ни послѣ моральнаго потрясенія, ни послѣ сильной эмоціи. Упомянутыя рѣзкія истерическія проявленія всегда обнаруживаются, по моему мнѣнію, на фонѣ истерической нервно-психической организаціи; они являются лишь своеобразной реакціей на внѣшнія условія вызвавшія сильную эмоцію; они указываютъ на основныя особенности психическаго склада даннаго индивидуума, на то, къ какому именно типу относится данный субъектъ по своему характеру. Неблагопріятныя условія раздуваютъ и обостряютъ то, что было до этого въ латентномъ видѣ. Съ моей точки зрѣнія, сомнительно, можетъ ли быть типическая картина истеріи, съ ея основными пси-

хологическими особенностями, приобретенной; остается недоказанным это, по моему мнѣнію. И тамъ, гдѣ говорятъ о развитіи рѣзкихъ истерическихъ симптомовъ послѣ травмы, послѣ физическаго поврежденія, обыкновенно, если не всегда, эта картина обнаруживается въ тѣсной связи съ прирожденными особенностями характера. Вспомнимъ, напр., тотъ случай, гдѣ у молодого солдата, получившаго незначительное поврежденіе ногъ и перенесшаго моральное потрясеніе во время русско-японской войны, вся пестрая и причудливая картина была психогеннаго происхожденія, и она могла развиться лишь потому, что тотъ больной носилъ въ себѣ задатки истерической организаціи; и эта искра истерическаго свойства, тлѣвшая до поры до времени гдѣ-то въ глубинѣ, дала картину пожара. Наблюденія надъ больными, доставленными съ Дальняго Востока во время русско-японской войны, дали мнѣ рядъ доказательныхъ примѣровъ такого рода; и тутъ можно было убѣдиться, что истерическія проявленія наблюдались у тѣхъ лицъ, которые и до этого носили въ себѣ, въ своей нервно-психической организаціи, задатки истерическаго характера; и распросъ больныхъ ясно показывалъ, что въ прошломъ отмѣчались истерическіе психическіе признаки. Такимъ образомъ случай такъ называемой травматической истеріи я рассматриваю именно съ этой точки зрѣнія. Конечно, истерическія проявленія здѣсь суть не что иное, какъ индивидуальная реакція со стороны даннаго организма; но это—реакція не случайная, не беспочвенная, но покоющаяся на прирожденныхъ особенностяхъ, хотя и скрытыхъ до поры до времени или мало замѣтныхъ. Какъ мы видѣли выше, Вернгеймъ предлагаетъ даже изгнать изъ употребленія терминъ «истерія» и ограничить его лишь примѣненіемъ для обозначенія нервныхъ припадковъ, т. е. истерическихъ; съ моей точки зрѣнія истерія является прирожденной нервно-психической организаціей, имѣющей свои психологическія особенности, свой букетъ своеобразныхъ признаковъ, отличающійся въ своемъ сочетаніи и въ своей комбинаціи отъ другихъ патологическихъ характеровъ. Даже болѣе, нельзя сказать, что припадки обязательны при истерическомъ характерѣ; они могутъ быть иной разъ очень рѣдки, причемъ на первомъ мѣстѣ стоятъ при истеріи именно психологическія особенности.

Истерія обнаруживается у лицъ съ различною степенью умственнаго развитія; между истерическими субъектами есть лица, конечно, очень мало развитыя въ интеллектуальномъ отношеніи; нѣкоторые изъ нихъ отличаются одаренностью, даже талантливостью, сохраняя, однако, свои истерическія черты прирожденнаго характера. Развитие моральныхъ чувствованій, умственное развитіе, возможное расширеніе кругозора, приобретение большаго запаса свѣдѣній, какъ и въ другихъ случаяхъ, такъ и при истерической конституціи оказываютъ свое смягчающее дѣйствіе на внѣшнія истерическія проявленія; психика такихъ лицъ можетъ оказаться болѣе доступной благотворному воздѣйствію и вліянію; въ этихъ случаяхъ самъ субъектъ будетъ помогать себѣ, пользуясь высшими сторонами своихъ психическихъ свойствъ. Надо отмѣтить еще, что при истерической нервно-психической организаціи могутъ быть прибавочные признаки, ей не свойственные, напр., явленія, похожія на психастеническія, на навязчивыя психическія состоянія; здѣсь можетъ быть и склонность къ резонерству и пр., но все это—явленія прибавочныя, случайныя, не

эссенціальный для истерической психики. Истерія можетъ комбини-роваться и съ такъ называемымъ маниакально-депрессивнымъ пси-хозомъ, патогенезъ котораго, повидимому, совершенно иной. Современная наука склонна отрицать переходъ истеріи въ слабоуміе; она признаетъ лишь трансформацию однихъ истерическихъ симптомовъ въ другіе; она признаетъ измѣненіе внѣшнихъ проявленій истеріи въ зависимости отъ перемѣнъ, совершающихся въ организмъ въ связи съ возрастомъ; и понятно само собою, что истерическій субъектъ въ дѣтствѣ будетъ отличаться, по своимъ истерическимъ прояв-леніямъ, отъ самого себя, когда онъ достигнетъ средняго возраста, и т. д.

Признавая важное значеніе половыхъ чувствованій по отношенію къ внѣшнимъ истерическимъ проявленіямъ, нельзя, однако, согла-ситься съ воззрѣніями, выше указанными Freud'овской школы, ко-торая полагаетъ, что въ основѣ чуть-ли не всѣхъ случаевъ истеріи лежитъ та или другая психическая травма сексуальнаго характера; эта теорія стройна, красива, даже эффектна, но одностороння; и она не объясняетъ того, почему этотъ моментъ, вызывающій будто бы истерію, въ огромномъ большинствѣ другихъ случаевъ не даетъ та-кой же картины. Весьма возможно, съ моей точки зрѣнія, что эта психическая травма сексуальнаго характера только потому и обна-руживаетъ свое дѣйствіе, что встрѣчается съ прирожденными особен-ностями характера; впрочемъ, допуская вліяніе этого момента, при-знавая за нимъ извѣстное значеніе, нельзя, однако, согласиться, что онъ играетъ уже такую большую роль, въ смыслѣ Freud'овской школы, въ происхожденіи истеріи.

По поводу родственной связи истеріи съ психастеніей, что отмѣ-чается Pierre Janet, можно возразить, что эти два психонейроза отличаются во многихъ отношеніяхъ другъ отъ друга, несмотря на нѣкоторое сходство отдѣльныхъ симптомовъ. То, что переживаетъ психастеникъ, т. е. индивидуумъ съ навязчивыми психическими состояніями, совершается въ области яснаго сознанія; тамъ сознаніе субъекта слѣдитъ за всѣмъ, что появляется въ его полѣ, что туда врывается насильственно, противъ его воли и желанія; здѣсь же, при истеріи, огромную роль играетъ область безсознательнаго, здѣсь обнаруживаютъ свое дѣйствіе низшіе психическіе механизмы, часто рудиментарные психическіе аппараты, на что обратилъ вниманіе, между прочимъ, и знаменитый биологъ нашего времени Мечниковъ.

Что касается другихъ гипотезъ, высказанныхъ по поводу сущно-сти истеріи, то я не буду останавливаться на ихъ разсмотрѣніи и анализѣ; я полагаю, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы разобраться въ картинѣ истерическихъ проявленій и составить свой взглядъ на сущность истеріи и истерическихъ разстройствъ.

IV.

Въ тѣсной связи съ ученіемъ объ истеріи и о психастеніи стоитъ современное ученіе о психотерапіи; хотя понятіе о всякаго рода те-рапіи напоминаетъ уже о медицинской сторонѣ дѣла, но надо замѣ-тить, что психотерапію нужно понимать въ широкомъ смыслѣ этого слова; и здѣсь я постараюсь вкратцѣ изложить нѣкоторые изъ со-временныхъ взглядовъ на психотерапію; причемъ я буду имѣть въ виду, чтобы эти взгляды способствовали еще большому уясненію психологической основы истерическихъ состояній.

За послѣдніе годы видную роль въ ученіи о психотерапіи играютъ работы проф. Dubois (изъ Verne'a); нѣкоторыя изъ его работъ переводятся, между прочимъ, и на русскій языкъ, особенно тѣ, гдѣ трактуются о вліяніи духа на тѣло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась солидная монографія Dubois, трактующая о психическомъ леченіи при психоневрозахъ. Говоря объ основаніяхъ рациональной терапіи, онъ обращаетъ вниманіе на то, что леченіе при психоневрозахъ, къ которымъ онъ относитъ истерію и психастенію, должно быть прежде всего психическимъ; цѣль этого психического воздѣйствія должна заключаться въ томъ, чтобы дать возможность больному быть господиномъ самого себя, и средствомъ для этого является воспитаніе воли и воздѣйствіе на разсудочную дѣятельность.

Психическое воздѣйствіе въ болѣзненныхъ состояніяхъ или психотерапія можетъ быть примѣняема при всѣхъ страданіяхъ, гдѣ существуетъ то или другое вліяніе на наше тѣло нашихъ представленій или идей; и ошибочно думать, что этимъ средствомъ можно пользоваться при всѣхъ психозахъ; нѣтъ, оно цѣлесообразно при такихъ психоневрозахъ, какъ истерія или психастенія; однако психическое вліяніе присоединяется почти всегда тамъ, гдѣ существуетъ общеніе больного и врача. Нерѣдко, говоритъ Dubois, состояніе больного улучшается послѣ посѣщенія врача. Существуетъ много болѣзней, гдѣ врачъ-психологъ имѣетъ возможность оказать психическое воздѣйствіе, то разбивая предрасудки у своего больного, то ободряя его серьезнымъ и увѣреннымъ словомъ. И истинный врачъ больше поможетъ больному своимъ словомъ, нежели врачебными предписаніями. Въ борьбѣ съ нервно-психическими аномаліями психотерапія оказываетъ огромную услугу. Необходимо въ каждомъ случаѣ оцѣнить возможное вліяніе духа на тѣло, произвести психологическій анализъ, выяснитъ фізіологическія реакціи, наступающія вслѣдъ за движеніями души; и здѣсь моральное вліяніе врача зависитъ отъ глубины его убѣжденія; необходимо, чтобы онъ былъ въ то же время и искреннимъ. Говоря объ истеріи, Dubois указываетъ, что здѣсь психическое вліяніе имѣетъ огромное значеніе; и если оно проводится разумно, если врачъ понимаетъ психику истеричныхъ, если онъ пользуется цѣлесообразно своимъ вліяніемъ, то онъ поможетъ истерическому субъекту бороться съ его собственными внушеніями и дать ему возможность возвращаться изъ міра фантазій въ міръ реальный; истерическій субъектъ во многомъ заблуждается, и необходимо помочь ему выйти на путь истины.

Какъ видно, во взглядахъ Dubois на психотерапію довольно много практическаго элемента и много конкретныхъ примѣровъ. Теперь я перейду къ изложенію взглядовъ другого изслѣдователя по тому же предмету, я имѣю въ виду проф. Grasset (изъ Montpellier); за послѣдніе годы онъ не разъ высказывалъ свои взгляды въ этомъ направленіи. Психотерапіей онъ называетъ леченіе болѣзней при помощи психическихъ средствъ, при помощи мысли и всего, что съ нею связано. Въ этихъ случаяхъ, вообще, и помимо врачебнаго вліянія, воздѣйствіе происходитъ при участіи эмоціи, то при участіи убѣжденія, то благодаря внушенію, отвлеченію вниманія, а также благодаря извѣстному моральному воспитанію. Какъ примѣръ психическаго воздѣйствія чрезъ эмоцію, Grasset указываетъ на такой случай: молодая дѣвица, страдавшая полной потерей голоса въ теченіе многихъ лѣтъ,

вдругъ вскрикиваетъ при видѣ поѣзда, который угрожаетъ раздавить его подругу; очевидно эмоціональное состояніе, испугъ и волненіе за жизнь любимаго человѣка, находящагося въ опасности, оказываетъ здѣсь свое неожиданное вліяніе на такія функціи, какія не проявлялись уже не одинъ годъ. Въ дополненіе къ этому можно бы сослаться еще на такой случай, когда истерическій субъектъ, долго бывшій въ постели, вслѣдствіе паралича ногъ, можетъ вдругъ вскочить съ постели, напуганный пожаромъ въ домѣ. При навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, при навязчивыхъ страхахъ или фобіяхъ психическое воздѣйствіе обнаруживается въ томъ случаѣ, когда, при помощи убѣжденія, удается дать лицу, ими страдающему, средства для борьбы съ ними, и здѣсь необходимо больному многое откровенно и чистосердечно разъяснить; это будетъ психотерапія при помощи убѣжденія. Отвлеченіе вниманія отъ зубной боли есть тоже своего рода психотерапія. Тамъ, гдѣ при истеріи врачъ пользуется гипнозомъ или гдѣ во время бодрственаго состоянія онъ приказываетъ субъекту, чтобы парализованная рука или нога стала двигаться или чтобы исчезла потеря чувствительности, тамъ идетъ рѣчь о внушеніи. Гораздо сложнѣе психотерапія чрезъ воспитаніе нѣкоторыхъ психическихъ сторонъ субъекта, и этого рода психотерапія находитъ себѣ примѣненіе въ очень многихъ и разнообразныхъ случаяхъ; напр., она имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ разумные окружающіе у ребенка съ плохими инстинктами стараются развить его моральныя чувствованія, укрѣпляютъ его высшія психическія способности; о ней можно говорить тогда, когда алкоголику или морфинисту объясняются опасности ихъ привычекъ къ яду, когда имъ выясняются способы, какъ нужно бороться имъ съ ихъ привычками къ наркотическимъ; этого же рода психотерапіей пользуются и тамъ, когда даютъ совѣтъ страдающему разстройствомъ походки или заикающемуся, или страдающему тикозными движеніями, какъ нужно сознательно упражнять себя, въ какомъ направленіи, чтобы перевоспитать свои психомоторныя функціи.

Опредѣляя психотерапію, какъ леченіе болѣзней и различныхъ аномалій при помощи психическихъ средствъ, Grasset полагаетъ, что психотерапія распадается на двѣ большія группы: психотерапію низшаго порядка и психотерапію общую или высшаго порядка. Онъ проводитъ ту точку зрѣнія, что необходимо различать у человѣка высшую психическую функцію и низшую; къ первой относятся всѣ дѣйствія сознательныя, произвольныя, свободныя, за которыя субъектъ является отвѣтственнымъ; ко второй принадлежатъ всѣ дѣйствія безсознательныя, автоматическія, непроизвольныя, не влекущія за собою отвѣтственности, и этотъ авторъ полагаетъ, что существуютъ соотвѣтствующіе центры для этихъ двухъ функцій, высшихъ и низшихъ. Эти центры находятся въ мозговой корѣ, но они отдѣляются другъ отъ друга; высшія психическія функціи локализируются въ лобныхъ доляхъ, низшія психическія функціи занимаютъ другія области мозговой коры. Въ нормальномъ состояніи тѣ и другіе центры находятся во взаимодействіи, и функціи ихъ переплетаются между собою.

Во время сна, при разсѣянномъ вниманіи, въ гипнозѣ, въ состояніи сомнамбулизма и пр. происходитъ диссоціація между этими психизмами, высшими и низшими, и тогда ихъ функціонированіе совершается изолированно, отдѣльно. Съ этой точки зрѣнія понятно,

что должно существовать и два рода психотерапій, высшая и низшая, въ зависимости отъ того, касается ли она высшихъ или низшихъ психизмовъ. Конечно, каждая форма психотерапій, высшей и низшей, имѣетъ свои показанія и свои противопоказанія. Низшая психотерапія способствуетъ дезагрегаціи этихъ двухъ психическихъ механизмовъ, ихъ разъединенію; высшая психотерапія, наоборотъ, развиваетъ волю и укрѣпляетъ вліяніе нашего «я». Безъ этого подраздѣленія въ области психическихъ вліяній многое остается неяснымъ, непонятнымъ, несогласуемымъ; принимая же это подраздѣленіе, мы многое можемъ себѣ уяснить въ данной области. Переходя къ болѣе детальному изученію психотерапій низшаго порядка, Grasset полагаетъ, что о ней можно говорить тамъ, гдѣ при помощи психическихъ средствъ приходится вліять исключительно на низшія психизмы субъекта; а такъ какъ въ нормальномъ состояніи этотъ психизмъ тѣсно сливается, въ своихъ функціяхъ, съ высшими психическими механизмами, то примѣненіе психотерапій низшаго порядка требуетъ того, чтобы предварительно была произведена диссоціація, дезагрегація и изолированіе этихъ психизмовъ у данного субъекта; этого можно достигнуть при помощи гипнотическаго внушенія. Приводя субъекта въ гипнотическое состояніе, этимъ самымъ удается отдѣлить высшія психическія функціи отъ низшихъ, удается устранить функцію высшихъ центровъ. Психотерапія низшаго порядка это, по преимуществу, терапія при помощи гипнотизма. Однако внушеніе возможно и безъ участія гипнотическаго состоянія. Въ томъ и другомъ случаѣ, при низшей психотерапій, стремятся къ замѣнѣ болѣзненной идеи внушенной. Исходя изъ того представленія о психотерапій низшаго порядка, которое было выше изложено, мы приходимъ къ тому вопросу, каковы предѣлы и границы этого терапевтическаго воздѣйствія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о внушеніи въ бодрственномъ состояніи, а не въ гипнотическомъ, въ сущности нѣтъ настоящаго бодрственнаго состоянія; но, скорѣе, внушеніе совершается и здѣсь въ состояніи частичнаго, парціальнаго гипноза. Понятно само собою, что психотерапія низшаго порядка не оказываетъ никакого вліянія, никакого дѣйствія при душевныхъ болѣзняхъ, которыя являются расстройствомъ въ функціи высшихъ психическихъ механизмовъ; она не помогаетъ и тамъ, гдѣ необходимо устранить дезагрегацію двухъ психическихъ механизмовъ, высшаго и низшаго, или душевную неустойчивость; она не въ состояніи помочь возстановленію расстроенной связи между высшими и низшими психическими механизмами; она не можетъ возстановить содружественную дѣятельность тѣхъ и другихъ и укрѣпить направляющее вліяніе высшаго центра. Отсюда ясно, что вліяніе при помощи внушенія не оказываетъ дѣйствія на основу и сущность психонейроза; и нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что гипнотизмъ измѣняетъ глубоко самую истерическую почву; онъ устраняетъ лишь тотъ или другой отдѣльный признакъ; и въ этомъ узкомъ отношеніи психотерапія низшаго порядка можетъ имѣть свое значеніе.

Несмотря на свои положительныя качества, о которыхъ была сейчасъ рѣчь, низшая психотерапія не всегда, однако, полезна; иногда она даже вредна, ибо надо помнить, что она не возстановляетъ единства и содружественной дѣятельности высшихъ и низшихъ психизмовъ; наоборотъ, гипнотизмъ создаетъ и усиливаетъ наклонность къ

дезагрегаціи этихъ двухъ психическихъ механизмовъ; онъ не способствуетъ созданію нормальной личности, здоровой личности; вотъ почему гипнотизмъ можетъ усиливать истерическія явленія у даннаго индивидуума; вотъ почему онъ, какъ способъ развлеченія, представляетъ нѣкоторую опасность и вредъ. Въ общемъ, надо сказать, что гипнотизмъ уменьшаетъ единство нашей личности; и Grasset протестуетъ противъ того взгляда, что въ этомъ средствѣ мы имѣемъ способъ исправленія и устраненія психическихъ аномалій у дѣтей, способъ систематическаго воспитанія воли; ни на волю, ни на нравственныя чувствованія это средство вліянія, конечно, не оказываетъ. Имъ можно пользоваться въ педиатріи, но не въ педагогикѣ. Поэтому Grasset не соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, которые смѣшиваютъ понятіе о внушеніи съ понятіемъ о перевоспитаніи; внушеніе, какъ извѣстно, оказываетъ свое вліяніе на низшіе психическіе механизмы, а воспитаніе—на высшіе. Въ процессѣ воспитанія имѣется въ виду развитіе способность управлять своимъ вниманіемъ, уменьшить область того, что принимается на вѣру, развитіе критику, укрѣпить волю, научить владѣть собою и пр.; и все это, конечно, не входитъ въ область внушенія и гипнотизма, которыя не могутъ этому учить, и внушеніе необходимо отдѣлать совершенно отъ другихъ средствъ воздѣйствія на психику, какъ-то: убѣжденія, разъясненія, совѣта, воспитанія. Указавъ на то, что психотерапія низшаго порядка имѣетъ ту отрицательную сторону, что она не способна укрѣплять высшую волю, единство и личность нашего «я» и что она, наоборотъ, ведетъ къ дезагрегаціи, упомянутыхъ выше, двухъ психическихъ механизмовъ, Grasset задаетъ вопросъ, не нужно ли совсѣмъ отказаться отъ этого способа леченія. Однако онъ не отрицаетъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ быть и полезной; ею можно пользоваться съ медицинскою цѣлью, но въ строго опредѣленныхъ случаяхъ; она не излечиваетъ душевной болѣзни, ни даже такого психонейроза, какъ истерія; но она помогаетъ, особенно при истеріи, устранять отдѣльные симптомы, какъ-то: боли, параличи, анестезіи и пр. Надо помнить, что психотерапія низшаго порядка ничему не научитъ субъекта, она не увеличиваетъ запаса его моральныхъ чувствованій, она не укрѣпляетъ его воли, она не развиваетъ его интеллекта. Врачъ-гипнотизеръ не можетъ замѣнить педагога, и его спеціальныя дѣйствія входятъ въ предѣлы педиатріи и выходятъ изъ границъ педагогикѣ.

Другую цѣль преслѣдуетъ психотерапія высшаго порядка; она имѣетъ свои собственныя показанія; она способствуетъ укрѣпленію связи между тѣми и другими психическими механизмами; она стремится укрѣпить ихъ содружественную дѣятельность; она оказываетъ вліяніе на всю психическую дѣятельность субъекта. Тамъ, гдѣ дѣло касается убѣжденія, разъясненія, совѣтовъ и воспитанія, тамъ можно говорить о психотерапіи высшаго порядка или о средствахъ психическаго воздѣйствія на высшія центры. Если понятіе о психотерапіи высшаго порядка примѣняется тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ явленіяхъ болѣзненныхъ или аномальныхъ и гдѣ имѣется въ виду повліять на высшія психическія способности, то въ нормальномъ состояніи, въ соответствующихъ случаяхъ, надо говорить о педагогическомъ вліяніи, о психическомъ вліяніи вообще и пр.; и понятно само собою, что, хотя и существуетъ

разница между педагогикой и педиатрией, но объ эти области могут оказывать взаимныя услуги другъ другу. Говоря о границахъ вліянія, о показаніяхъ для психотерапіи высшаго порядка, Grasset полагаетъ, что предѣлы ея прежде всего обусловливаются степенью дезагрегаціи высшихъ центровъ; если эти послѣдніе пострадали глубоко, если у субъекта существуетъ бредъ, если субъектъ вѣрить въ полную реальность своихъ галлюцинацій или своей ложной идеи, никакая психотерапія не принесетъ пользы въ этомъ отношеніи; и психотерапія высшаго порядка не является средствомъ для леченія настоящихъ психозовъ; она можетъ, наоборотъ, оказаться полезной при психонейрозахъ, такихъ, какъ истерія, психастенія. Наблюденіе показываетъ, что когда неопытные окружающіе стараются, при помощи убѣжденія и разсужденій, убѣдить своего больного въ томъ, что его ложныя идеи неправильны, чаще приносятъ больному вредъ, нежели пользу; и такого рода своеобразная психотерапія является скорѣе нецѣлесообразной.

Что касается техническихъ стороны и приемовъ, которыми пользуется высшая психотерапія, то Grasset различаетъ здѣсь нѣсколько различныхъ моментовъ; онъ прежде всего останавливается на способахъ психического воздѣйствія на моторную сферу; въ этихъ случаяхъ психотерапевтическое воздѣйствіе заключается въ томъ, что стремятся повліять чрезъ высшіе психическіе центры на двигательныя функціи. Напр., человекъ, страдающій разстройствомъ походки, т. е. атаксіей, представляетъ собою картину разстроенныхъ автоматическихъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ ходьбѣ; у него существуетъ разстройство равновѣсія и, вслѣдствіе инкоординаціи, онъ не можетъ ходить; и тогда, при помощи правильныхъ упражненій, гдѣ проявляется вліяніе высшихъ психическихъ центровъ на двигательную область, удается больному создать автоматическій механизмъ для ходьбы; и такой больной снова учится ходить, пользуясь при этомъ, въ началѣ упражненія, своей высшей сознательной волей. Другой примѣръ: субъектъ у котораго наблюдаются непроизвольныя навязчивыя движенія, тиковыя движенія, при помощи соответствующихъ приемовъ, приучается бороться усиліемъ воли съ этими болѣзненными автоматическими движеніями, подавлять ихъ. Наблюденіе и опытъ надъ лицами, страдающими различнаго рода тиками, показываетъ успѣхъ психотерапіи высшаго порядка въ борьбѣ съ этими аномаліями движенія; и этотъ успѣхъ обусловливается не гипнотическимъ внушеніемъ, а сознательнымъ участіемъ самого субъекта въ тѣхъ упражненіяхъ, которыя рекомендуются ему врачомъ; и въ этой области моторнаго перевоспитанія атактическихъ разстройствъ и тиковыхъ движеній психотерапія высшаго порядка оказываетъ свое могущественное вліяніе. Нѣчто подобное и вполне аналогичное наблюдается и при нѣкоторыхъ разстройствахъ въ рѣчевомъ аппаратѣ, если примѣняется соответствующій методъ, какъ, напр., при нѣкоторыхъ формахъ заиканія.

Психотерапія высшаго порядка обнаруживаетъ свое вліяніе и на чисто психическій процессъ; здѣсь можно, въ иныхъ случаяхъ, говорить о непосредственномъ вліяніи на самыя идеи; напр., разговаривая съ больнымъ, обсуждая его взгляды, врачъ имѣетъ возможность доказать данному лицу, что то, что онъ считаетъ для себя невозможнымъ, вполне имъ достижимо. Могутъ быть и другіе способы и приемы психотерапіи высшаго порядка, очень сложные иногда, весьма

разнообразные въ отдѣльныхъ случаяхъ, и они должны основываться на индивидуализаціи каждаго случая, на детальномъ ознакомленіи съ психикой того субъекта, къ которому примѣняется психотерапевтическое воздѣйствіе высшаго порядка. Изъ того, что было сказано выше, видно ясно, что двумъ психическимъ механизмамъ, высшему и низшему, соотвѣтствуютъ два рода психотерапіи, высшей и низшей, что и дано въ описаніи, сдѣланномъ выше.

Недавно появилась небольшая монографія д-ра Henri Zbinden'a (изъ Женевы), который посвящаетъ одну главу спеціально вліянію психической жизни на фізіологическія функціи; онъ полагаетъ, что въ этомъ вліяніи каждый изъ насъ можетъ легко убѣдиться, наблюдая самого себя или примѣры изъ окружающей жизни. Онъ приводитъ примѣръ молодой дѣвицы, которой предстоитъ, напр., сдать экзаменъ въ консерваторіи черезъ два дня; и вотъ она теряетъ аппетитъ, отказывается даже садиться за столъ, у нея разстраивается сонъ и появляются сердцебіенія; здѣсь одна лишь забота объ экзаменѣ ослабляетъ аппетитъ, вліяя на функціи желудка; эта забота возбуждаетъ нервныя центры и т. д. Если такое состояніе продолжается почему-либо, обнаруживается уже нервное расстройство желудка и пищеваренія, бессонница и неврозъ сердца. Такое же угнетающее вліяніе на нѣкоторыя тѣлесныя функціи обнаруживаютъ и непріятныя аффекты: печаль, огорченіе и пр. Наблюденіе показываетъ, что моральные шоки даютъ много болѣзненныхъ состояній. Извѣстно, что сосредоточеніе вниманія на какомъ-либо органѣ можетъ расстроить его функцію; мнительный человѣкъ, боящійся за свое здоровье, вызываетъ у себя учащеніе пульса, иногда значительное, если онъ самъ изслѣдуетъ свой пульсъ. Zbinden рассказываетъ объ одномъ мальчикѣ, напуганномъ бурей и ударомъ грома и потерявшемъ способность ходить; у этого больного врачи даже констатировали страданіе спинного мозга; но оказалось, что, спустя нѣсколько дней послѣ психическаго леченія, мальчикъ вполне поправился, т. е. у него было на самомъ дѣлѣ лишь одно функціональное расстройство.

Несомнѣнно, что многія явленія въ нашемъ организмѣ, которыя принято считать произвольными, такъ или иначе зависятъ отъ нашей воли; и мы можемъ оказать вліяніе на эти явленія при помощи нашихъ мыслей; самый способъ нашего мышленія можетъ оказать, въ концѣ-концовъ, то или иное вліяніе на нѣкоторыя функціи нашего организма, связанныя съ общимъ здоровьемъ. Всякій органъ, всякій отдѣлъ нашего организма находится въ той или иной зависимости отъ мозговой коры, мѣста высшей психической дѣятельности; и нужно считать установленнымъ связь психической жизни съ фізіологическими функціями; на этомъ основана разумная психотерапія.

Извѣстный проф. Oppenheim опубликовалъ серію психотерапевтическихъ писемъ, адресованныхъ имъ къ нѣкоторымъ изъ его больныхъ, страдающихъ нервными болѣзнями или психонейрозами; эти письма являются своеобразнымъ руководствомъ по психотерапіи, представленномъ въ видѣ конкретныхъ наблюденій. Въ нихъ проф. Oppenheim, признавая реальность жалобъ у своихъ больныхъ на тѣ или другія непріятныя ощущенія въ тѣлѣ или въ органахъ, разъясняетъ имъ свою объективную точку зрѣнія, объясняетъ имъ даже причину дѣла, давая имъ средство избавиться отъ нѣкоторыхъ ано-

малій и сохранять бодрость духа, благодаря разумному и соответствующему дѣйствительности представлению о своемъ здоровьѣ.

Рациональная психотерапія должна основываться на психологическомъ анализѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; и этотъ анализъ даетъ иногда поразительные примѣры того, какъ можно возстановить нѣкоторыя разстроенныя физиологическія функціи, влияя лишь на высшія психическія стороны. Конечно, это возможно не во всѣхъ случаяхъ, не всюду; эта психотерапія высшаго порядка оказывается полезной, цѣлесообразной и примѣнимой тамъ, гдѣ нѣтъ душевной болѣзни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и гдѣ дѣло сводится лишь къ чисто функциональному, динамическому разстройству; наиболѣе успѣшно эта психотерапія можетъ примѣняться при психастеніи и при истеріи. Я припоминаю одинъ случай, гдѣ психотерапія высшаго порядка дала поразительный и неожиданный результатъ: дѣло шло объ одномъ больномъ, среднихъ лѣтъ, у котораго былъ тревожно-мнительный характеръ, равныя навязчивыя мысли и ипохондрическія идеи, связанные съ боязнью за свое сердце; ему казалось и онъ былъ увѣренъ даже въ томъ, что у него неизлечимая болѣзнь сердца; онъ боялся умереть внезапно и всегда ѣздилъ въ сопровожденіи кого-нибудь. Такъ какъ у него была межреберная невралгія съ лѣвой стороны, то это еще больше укрѣпляло мысль о томъ, что онъ погибнетъ отъ болѣзни сердца и что жить ему осталось недолго. Онъ волновался часто и много по этому поводу, обращался ко многимъ врачамъ, принималъ много лекарствъ, накопилъ у себя массу рецептовъ, страдалъ часто бессонницей, прибѣгалъ къ снотворнымъ; но ничто не помогало, и его нервныя система разстраивалась все больше и больше. Когда врачъ прописывалъ ему лекарство, это давало ему поводъ думать, что у него серьезная болѣзнь, разъ назначается новое средство, да еще, напр., такое, какъ снотворное. Въ этомъ случаѣ, гдѣ опытъ показалъ, что дѣло не въ лекарствахъ, пришлось, конечно, прежде всего выслушать рассказы больного внимательно и терпѣливо, изслѣдовать его физически и объяснить ему, въ чемъ у него дѣло; необходимо было подробно рассказать ему, что такое межреберная невралгія, какіе ея признаки, въ чемъ она выражается, какіе непріятные симптомы она даетъ, какъ истощаетъ физическій организмъ иногда, особенно если сопровождается страхомъ за сердце и пр.; нужно было дать совѣтъ, въ подтвержденіе правильности своего взгляда, оставить всякія лекарства, не принимать ихъ вовсе и пользоваться лишь легкими мѣстными отвлекающими въ области межреберной невралгіи. Этого было достаточно, чтобы состояніе больного стало рѣзко улучшаться, и онъ сталъ приближаться постепенно къ почти полному выздоровленію. И, несомнѣнно, въ этомъ случаѣ была психотерапія высшаго порядка, такъ какъ, дѣйствуя на высшія психическія стороны больного, удалось повліять на функциональное разстройство нѣкоторыхъ органовъ, въ частности сердечной дѣятельности.

Такое же психотерапевтическое воздѣйствіе приходится наблюдать и въ нѣкоторыхъ случаяхъ при хроническихъ интоксикаціяхъ, напр., при хроническомъ алкоголизмѣ; и это удается тамъ, гдѣ сохранены высшія психическія стороны, гдѣ нѣтъ разскаго ослабленія воли, гдѣ существуетъ полное и глубокое убѣжденіе и искреннее желаніе избавиться отъ влеченія къ алкоголю; мнѣ пришлось на-

блюдают недавно такой случай, когда хроническій алкоголизмъ длился много лѣтъ, когда субъектъ дожилъ съ нимъ болѣе, чѣмъ до 50 лѣтъ; ему пришлось объяснить всю правду его положенія, разъяснить, что будетъ съ нимъ и съ его внутренними органами, если онъ будетъ дальше злоупотреблять спиртными напитками; не нужно было его запугивать, необходимо было сказать ему въ откровенной бесѣдѣ одну лишь правду объ его дальнѣйшей судьбѣ; и онъ это усвоилъ себѣ и бросилъ пить, начавъ трезвую жизнь. Въ этомъ случаѣ психотерапія высшаго порядка оказала свое вліяніе на разумныя стороны психической дѣятельности, а эти послѣднія повліяли задерживающимъ образомъ на самое болѣзненное влеченіе къ вину. Понятно само собою, что соответствующихъ примѣровъ можно бы привести много, хотя, можетъ быть, и не всегда столь яркихъ и рѣзкихъ.

Говоря о психотерапіи, необходимо остановиться на способѣ пользования ею при истеріи, примѣняемомъ проф. Freud'омъ; этотъ способъ отличается своеобразностью; чтобы уяснить его сущность, необходимо вспомнить взглядъ Freud'a на истерію. При изслѣдованіи истерическихъ субъектовъ онъ примѣнялъ, вмѣстѣ съ д-ромъ Breuer'омъ, методъ психоанализа, давшій освѣщеніе нѣкоторымъ темнымъ сторонамъ изъ области бессознательной идеаци. Freud' говоритъ, что при помощи психоаналитическаго метода удалось ему прослѣдить истерическіе симптомы до источника ихъ возникновенія; и этимъ источникомъ всегда оказывается какое-либо событіе, связанное съ половой жизнью субъекта. Идя въ глубь прошлаго даннаго субъекта, удастся, шагъ за шагомъ, помогать ему вспомнить то, что считалось имъ забытымъ; это давало путь къ исходной точкѣ патологическаго процесса, и всегда можно было убѣдиться въ томъ, что въ происхожденіи истерическаго состоянія играетъ роль въ концѣ-концовъ специфическая, сексуальная причина. Freud' думаетъ, что въ этихъ случаяхъ у субъекта остается бессознательное воспоминаніе о какомъ-то половомъ насиліи съ раздраженіемъ въ области гениталіа; и эти событія относятся къ дѣтскому возрасту; часто они бѣгутъ мѣсто, по мнѣнію этого автора, въ возрастѣ до 8 или до 10 лѣтъ. Такимъ образомъ специфической причиной истеріи является, по Freud'у, испытанное пассивно, до полового развитія, сексуальное насиліе; онъ добавляетъ, что соответствующій психоанализъ былъ въ нѣсколькихъ случаяхъ, и вездѣ былъ налицо сексуальный моментъ въ томъ или иномъ видѣ, и нигдѣ онъ отсутствовалъ. Чаще всего онъ имѣлъ мѣсто въ возрастѣ 4 или 5 лѣтъ. Въ связи съ этимъ моментомъ Freud' констатировалъ въ своей изслѣдательной серіи воспоминаній, пробужденіе у субъекта; и тутъ онъ задаетъ себѣ вопросъ, почему не было возможности ошибочнаго заключенія, что это было насиліе, особенно имѣя въ виду наклонность къ пассивности и ихъ наклонность къ сексуальности. Онъ отвѣчаетъ на то, что истерическіе субъекты въ моментъ забвѣны объ этихъ забытыхъ воспоминаніяхъ; они никогда не бывали въ состоянии сексуальной сцены сразу, полнотой, а только въ видѣ ранняго пассивнаго опыта, и только подъ вліяніемъ распрямленія, когда они начинаютъ доискиваться этихъ воспоминаній, какъ эти воспоминанія

нанія переводятся изъ безсознательной сферы въ ясное сознание, субъектъ переживаетъ волненіе, которое, конечно, ему трудно создавать искусственно; узнавая о томъ, что онъ самъ позабылъ, онъ волнуется и переживаетъ рѣзко выраженное эмоциональное состояніе. Freud задаетъ себѣ вопросъ, какъ можетъ раннее сексуальное переживание, испытываемое субъектомъ, когда его полъ еще недостаточно дифференцированъ, быть источникомъ такого длительного психического аномальнаго состоянія, какъ истерія. Стараясь согласовать такое свое предположеніе съ современнымъ ученіемъ о психическомъ механизмѣ истеріи, авторъ этотъ полагаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать удовлетворительный отвѣтъ. Вслѣдствіе того, что субъектъ во время сексуальнаго переживания, о которомъ идетъ рѣчь, оказывается инфантильнымъ, оно не вызываетъ тогда или никакого эффекта, или мало эффекта, и лишь сохраняется психической слѣдъ отъ этого переживания. Затѣмъ, когда, въ періодъ полового развитія, пробуждаются самостоятельно половыя чувствованія, безсознательный психическій слѣдъ отъ ранняго переживания сексуальнаго характера пробуждается, оживаетъ, и тогда обнаруживаются послѣдствія испытанной сексуальной травмы. Freud говоритъ, что эти взгляды его основаны на данныхъ психоанализа, которымъ онъ пользовался въ своихъ случаяхъ истеріи. Исходя изъ этой точки зрѣнія на причину развитія истеріи и всѣхъ ея своеобразныхъ проявленій, Freud строитъ и свой методъ леченія этого психонейроза. Онъ полагаетъ, что истерическія явленія устраняются, если удастся прорвать путь къ этимъ скрытымъ представленіямъ, хранящимся въ безсознательной области, о раннихъ половыхъ переживанияхъ; если удастся перевести ихъ въ область сознания, то субъектъ освобождается отъ истерическихъ симптомовъ, ибо при этомъ происходитъ разрываніе скрытой психической энергіи, хранившейся глубоко въ непрозрачной области воспоминанія, забытыя самимъ субъектомъ.

Знакомство съ ученіемъ Freud'a объ истеріи, съ его взглядами на психоаналитическій методъ необходимо, такъ какъ его гипотезы о сущности истеріи пользуются извѣстностью; положительныя результаты, полученные имъ и другими исследователями, имѣютъ важныя психоаналитическія, не позволяють игнорировать эти работы соответствующаго характера. Надо замѣтить, что своеобразный психоаналитическій методъ, прилагавшійся Freud'омъ къ лечению истеріи, представляетъ болѣе техническій процессъ, и не требуетъ пользоваться. Самъ Freudъ свой методъ применяетъ къ лечению истеріи субъектовъ въ бодрствіи; въ бодрствіи же и каталитическія процедуры исследователей пользуются этимъ способомъ, при чемъ субъектъ находится въ бодрствіи. Мы уже упоминали, что слѣдующимъ этапомъ въ психоаналитическомъ методѣ Freud'овской школы является работа надъ трансференціей своимъ учителемъ (напр., Jung, Klein, etc.). Эта работа имѣетъ большое значеніе въ связи съ сексуальной истеріей, такъ какъ трансференція является однимъ изъ психическихъ процессовъ, связанныхъ съ истеріей, и психотерапія, съ нимъ связанная, имѣетъ большое значеніе въ настоящее время. Мы уже упоминали, что слѣдующимъ этапомъ въ психоаналитическомъ методѣ Freud'овской школы является работа надъ трансференціей своимъ учителемъ (напр., Jung, Klein, etc.). Эта работа имѣетъ большое значеніе въ связи съ сексуальной истеріей, такъ какъ трансференція является однимъ изъ психическихъ процессовъ, связанныхъ съ истеріей, и психотерапія, съ нимъ связанная, имѣетъ большое значеніе въ настоящее время. Мы уже упоминали, что слѣдующимъ этапомъ въ психоаналитическомъ методѣ Freud'овской школы является работа надъ трансференціей своимъ учителемъ (напр., Jung, Klein, etc.). Эта работа имѣетъ большое значеніе въ связи съ сексуальной истеріей, такъ какъ трансференція является однимъ изъ психическихъ процессовъ, связанныхъ съ истеріей, и психотерапія, съ нимъ связанная, имѣетъ большое значеніе въ настоящее время.

своей органъ въ видѣ солиднаго повременнаго изданія, посвященнаго психотерапіи и психоанализу.

Если въ гипотетическихъ построеніяхъ Фрейд'овской школы и есть нѣкоторая искусственная, можетъ быть, схематизація, но надо замѣтить, что иной разъ его предположенія находятъ себѣ подтвержденіе, правда, косвенное въ отдѣльныхъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ у истерическихъ субъектовъ. Можно не соглашаться съ тѣмъ, что при истеріи существуетъ специфическая этиологія сексуальнаго характера, о какой была рѣчь выше. Интересно, что переходъ нѣкоторыхъ представлений и образовъ воспомнанія изъ безсознательной области въ сознательную при истеріи сопровождается улучшеніемъ; я вспоминаю, напр., одну больную, истеричку, которая перенесла моральное потрясеніе и получила легкую травму головы; у нея обнаружился истерическій психозъ, и она увѣряла при этомъ, что она совсѣмъ не помнитъ о томъ, что было съ нею недавно; она забыла о самомъ фактѣ, послужившемъ моральнымъ шокомъ. По мѣрѣ того, какъ помогали ей вспоминать о томъ, что съ нею было и при какихъ условіяхъ она заболѣла, наблюдалось постепенное улучшеніе, и она поправилась отъ истерическаго психоза. Весьма возможно, что та гипотеза, которую предлагаетъ Фрейд'овская школа, должна быть расширена, причеиъ остается все-таки недоказаннымъ, что во всѣхъ случаяхъ истеріи существуетъ своеобразная специфическая причина этого психонейроза, отмѣчаемая этой школой. Сравнительно недавно появилась монографія проф. Яроцкаго (изъ Юрьева), обратившая на себя вниманіе въ широкихъ слояхъ интеллигентной публики; эта книга носитъ названіе «Идеализмъ, какъ физиологическій факторъ». Здѣсь идетъ рѣчь не объ идеалистическомъ міропониманіи; здѣсь имѣется въ виду идеализмъ психологическій, какъ стремленіе къ идеалу. И авторъ въ простой формѣ, нагляднымъ образомъ, показываетъ, что этотъ идеализмъ является могущественнымъ подспорьемъ борьбѣ иногда съ тяжелыми болѣзнями, ибо онъ даетъ возможность субъекту сохранять бодрость духа, не впадать въ уныніе, отступать разумно къ своему положенію и къ совѣтамъ врача. Это есть психотерапія наивысшаго порядка, и проф. Яроцкій для нея названіе «аретотерапія». Мнѣ думается, что проф. Яроцкаго, врача-терапевта, заслуживаетъ вниманіе интеллигентной публики, что, впрочемъ, уже и отражено въ рецензій объ этой книгѣ.

Наше изложеніе о психотерапіи; и я думаю, что выше, представляетъ не одинъ только ученіе о психотерапіи даетъ бо-
льшій рядъ соображеній и заключеній,

«L'Esprit» (2—7 сентябри

des Sociétés de France et des

de l'Esprit.

09. Paris.

5. Bernheim, Hypnotisme et suggestion. 1910. Paris.
6. Grasset, Физиологическое введение къ изученію философіи. (Перев. съ франц.). Спб. 1909.
7. Dubois, Les psychonévroses et leur traitement moral. Paris, Masson et Cie, Editeurs.
8. Henri Zbinden, La psychothérapie rationnelle. 2-e édition. Genève. 1907.
9. Орпенгейм. Письма къ нервнымъ больнымъ. Русск. пер. д-ра М. С. Гуревича. Москва. 1908.
10. А. Яроцкіи, Идеализмъ, какъ физиологическій факторъ. 1908. Юрьевъ.